

НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЯТТЕЛЯ

СЯТТЕЛЬ ИГНАТИЙ
БРЯНЧАНИНОВ

Избранные письма

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Избранные письма

«Благовест»

УДК 248
ББК 86.372

(Брянчанинов) С.

Избранные письма / С. (Брянчанинов) — «Благовест»,

ISBN 978-5-9968-0138-1

Настоящая книга – «Избранные письма святителя Игнатия Брянчанинова» – включает в себя несколько сот писем святителя к известным деятелям Русской Православной Церкви, а также к историческим деятелям нашего Отечества, к пастырям Церкви Христовой и духовным чадам; монашествующим, мирянам, родным и друзьям, с исключением писем и отдельных мест, которые не имеют нравственно-назидательного значения. Святитель с каждым адресатом переписывался соответственно его устройению. В письмах заключена духовная мудрость святых отцов, подкрепленная и собственным монашеским опытом святителя Игнатия. В своих письмах он отразил этапы и тонкости возрастания христианина в духовной жизни на основе живого опыта деятельного подвижника, создавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и Предания Православной Церкви; святитель преподает спасительное слово, напоминает и раскрывает христианские истины.

УДК 248
ББК 86.372

ISBN 978-5-9968-0138-1

© (Брянчанинов) С.
© Благовест

Содержание

Предисловие	8
Часть I. Письма к монашествующим	9
К Высокопреосвященнейшему Митрополиту Московскому Филарету	9
1 (1). Отказ от назначения цензором духовных книг, причины этого	9
Его Высокопреосвященству Антонию, Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому	11
2 (3). Поздравление с днем Ангела	11
К Высокопреосвященному Митрополиту С.-Петербургскому Исидору	12
3 (4, 262). О духовном и телесном подвигах[1]	12
Архиепископу Херсонскому и Таврическому Гавриилу	13
4 (5). Благодарность за память и краткое описание своей жизни и жизни своих родственников	13
Некоторому Архиепископу, присутствовавшему в Св. Синоде (Курскому Илиодору)[2]	14
5 (6, 43)	14
Преосвященному Леониду (Краснопевкову), Епископу Дмитровскому[3]	18
6 (7, 109). О нападках на христианство и др. вопросы	18
8 (9, 111). О русском переводе Св. Писания и о др. вопросах	18
9 (12, 114). По поводу возникших неприятностей с о. Епифанием, ректором Академии	19
10 (15, 117). О слепоте и легковерии людей	20
11 (18, 120). О монашестве	20
12 (21, 123). Состояние образованного общества и духовенства того времени	21
13 (22, 124). О монашестве, духовном подвиге и об образовании юношества в духовных училищах	22
14 (23, 125). Состояние духовенства и мирян того времени	23
К Преосвященному Епископу Савве[4]	24
15 (25). Благодарность за присланные жизнеописания св. Нифонта и св. Андрея	24
К Епископу Феофану Затворнику	25
16 (26). К вопросу о природе Ангелов и совет епископу Феофану без призвания Божия не оставлять кафедру[5]	25
К игумену Иларию, настоятелю Николо-Угрешского монастыря	27
17 (30). Утешение о постигшем искушении	27
Настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину	29
18 (31). О своем намерении уйти на покой и поселиться на Валааме и о других вопросах	29
19 (32). Увещание смириться с перемещением на жительство в Оптину	32
К батюшке о. Макарию Оптинскому	34

20 (35). О значении Московского митрополита Филарета в издательской деятельности Оптиной пустыни и других предметах	34
21 (34). О напечатании Оптиной пустыню творения святых отцов	34
22 (35). Желание переселиться в Оптину пустынь из Сергиевой обители и другие вопросы	35
23 (36). О библиотеке св. отцов	35
К рясофорному послушнику Оптиной пустыни о. Петру	36
24 (37) О достоинстве книги преподобного Георгия	36
К афонскому монаху Серафиму	37
25 (39). О значении наставника в обучении умной молитве и о других вопросах	37
К Игумену Варфоломею	39
26 (40, 22). О пребывании в Оптиной пустыни	39
27 (42, 14). Автобиографические сведения	39
28 (43, 15). О монастырях российских	40
29 (47, 20). Описание обустройства в Сергиевой пустыни	40
30 (55, 28). О наказании архимандрита Игнатия и смиренном несении его	41
31 (57, 30). О своих занятиях по переводу книги св. Ис.	41
32 (60, 30). О правильном пророчестве – прозрении на грехи	42
33 (63, 36). Увещание о. Варфоломея приехать в столицу, осуждение непокорности Всевышнему Промыслу и своеволия	42
34 (66, 39). О возобновлении Святогорской Пустыни и о других вопросах	43
35 (80, 53). По поводу указа Синода об увольнении о. Варфоломея, совет прибыть в Синод для личного объяснения и о благодушном перенесении скорбей	44
36 (81, 54). Утешение в скорби и наставление к покаянию перед людьми	45
37 (92, 65). О своем пребывании в Оптине, о старце Макарии	46
38 (96, 69). Сообщение об увольнении на покой и приглашение приехать в Бабаевский монастырь	46
К Антонию, игумену Черемнецкому[7]	47
39 (100, 3). О немощах духовника, осторожности при распознавании людей и совет не уходить из епархии	47
40 (102, 6). Совет руководствоваться при управлении братством второй половиной книги Великого Варсонофия	48
41 (103, 7). Об умножении соблазнов и о других вопросах	48
42 (104, 9). Сообщение о подаче прошения об увольнении на покой и причины, побудившие к этому	49
43 (105, 10). О трудностях для человека, живущего по учению св. отцов, прийти к мирскому преуспеянию и сообщение о получении желанной отставки	49
44 (106, 11). Мысли о Наполеоне III	50

45 (107, 13). О различных направлениях в монашестве, – телесном и духовном подвигах	51
46 (108, 14). О молитве трех отроков в пещи Вавилонской, о «сеятве плевелов», о своем здоровье	52
47 (109, 16). О своем настроении, о соблазнах и свободной воле человека	52
48 (110, 17). Характеристика монашества времени епископа Игнатия	53
49 (111, 18). О нравственной трудности в своей жизни, мнение о монастырях, оптинском старце Макарии и о духе того времени	54
50 (112, 19). О монашестве, умном делании, наружном благочестии, монахе Никандре Бабаевском	55
51 (113, 20). Благодарность за посещение, рассуждения о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим, пожелание последовать цели Григория Богослова	56
52 (114, 21). О стихотворениях о. Антония, методе Пушкина, неудачах сборщика и о других вопросах	57
53 (115, 22). О своем здоровье и патриотические мысли	58
54 (117, 26). Характеристика того времени	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Святитель Игнатий Брянчанинов

Избранные письма

©Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

...Сборник – «Избранные письма епископа Игнатия (Брянчанинова)» составлен на основе «Полного собрания...» с исключением из него всех тех писем и отдельных мест, которые не имеют нравственно-назидательного значения.

Сохранена в этом сборнике и последовательность писем «Полного собрания...» – письма к монашествующим, мирянам, родным и друзьям. Всего в сборник «Избранных писем» вошло 555 писем (в настоящем издании количество писем увеличено до 619, часть пропусков восстановлена, замеченные в издании опечатки исправлены и помечены звездочкой. – *Прим. ред.*).

Первая цифра в начале каждого письма обозначает порядковый номер письма сборника «Избранные письма...», вторая – (в скобках) номер письма «Полного собрания...», третья – порядковый номер источника, из которого перепечатано данное письмо.

В заключение покорно прошу прощения у читателей и молитв, чтобы Господь не вменил во грех составителю сего сборника, что он опустил некоторые письма, а некоторые предельно сократил, имея при этом одну цель: в возможно кратком виде представить неоценимое сокровище святителя Игнатия – его учение о духовной жизни христианина для лиц, ищущих духовной пищи.

М. Лозинский

Часть I. Письма к монашествующим

К Высокопреосвященнейшему Митрополиту Московскому Филарету

1 (1). Отказ от назначения цензором духовных книг, причины этого

Ваше высокопреосвященство!

Милостивейший архипастырь и отец!

Когда имел я счастье быть у Вас и Вам благоугодно было спросить, не имею ли усердия участвовать в цензуре духовных книг, то внезапность вопроса не позволила мне представить на благорассмотрение Вашего высокопреосвященства удовлетворительного ответа. Сими строками хочу пополнить оный.

Нахожу должность цензора весьма для себя отяготительною и по душе, и по телу. По телу: должен я по крайней мере в неделю раз ездить в Петербург, для общих совещаний с прочими членами цензурного комитета. Весьма часто должно будет мне являться для объяснений и членам Святейшего Синода, в случае их нездоровья или отлучки должен повторить приезд. Для человека, живущего в столице и пользующегося здоровьем, сие удобно и легко, но мне при сильном расстройстве нервов, загородному жителю, до безмерия отяготительно. За каждую поездку в город плачу дорого; должен лежать целые сутки, так ослабну, так заломит кости!

По душе: решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения; напротив, должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всем блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать, сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединенную келью, то село, на коем скрыт бесценный бисер! Десять лет уединяясь (более или менее) в келии и отвлекая ум мой от многообразности и многочисленности предметов – уже чувствуя, что многие воспоминания во мне замерли, – не могу без очевидного бедствия душевного впасть в море забот внешних, суждений, прений, выездов, – в жизнь путешественника. Самым пребыванием в Сергиевой Пустыни до зела отягощаюсь, – и единственно потому не утруждаю просьбою об увольнении из оной Государя Императора, чтобы не быть перед Ним до конца неблагодарным – молчу до времени, ожидая, что перст Божий укажет мне приличное к уединению время. О сем прилежно молю Господа. – Изволили также спрашивать: чем я занимаюсь? Поверьте, нет у меня лишнего времени. Не говорю уже о том, сколько оно похищает у меня слабость тела, монастырские заботы, – а паче всего выезды.

Прошу и убеждаю Ваше высокопреосвященство: как милостивое расположение Ваше и доверенность внушили Вам мысль возложить на меня упомянутую должность, так оное же милостивое расположение и внимание к слабостям моим, к душевному направлению и к покорнейшей просьбе да убедит Вас оставить грешного Игнатия плакаться о гресех его. Довольно,

предовольно для осуждения моего на Страшном Суде Христовом собственных грехов и настоятельского ига, недостойне носимого. – Прошу святых молитв и прощения за многословие.

Арихимандрит Игнатий, 21 декабря 1837

Его Высокопреосвященству Антонию, Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому

2 (3). Поздравление с днем Ангела

Милостивый архипастырь и отец!

Хотя и известен мне внушаемый Вам христианскими чувствованиями смиренный образ мыслей о дне Вашего Ангела, хотя радость его Вы растворяете воспоминаниями печальными, однако чада Ваши, овцы паствы Вашей, дарованные и врученные Вам Пастыреначальником и Божиим Агнцем, должны встретить и проводить день сей в духовном веселии, воссылая теплые молитвы к Господу, да продлит лета жизни Вашей в вожденном здравии и благоденствии для благоденствия многочисленной Вашей (Российской Церкви).

И мы, недостойные иноки обители Преподобного Сергия, молим о сем всемогущего и милосердного Господа, умоляем и угодника Его, чтоб он сильными молитвами своими о пастыре нашем восполнил недостаток молитв наших. Воссылая таковые... к Небу, не можем не обратиться и к Вам, высокопреосвященнейший Владыка, с усерднейшим поздравлением, которое приносим с живейшими чувствами любви, благодарности, уважения!

Примите с обычною Вам снисходительностью и благосклонностью сие от настоятеля и братии Сергиевой Пустыни. Священным долгом моим было бы – лично принять поздравления наяву, но болезнь не позволяет мне выходить из комнат. Примите, архипастырь, в сих строках – мое сердце.

Поручая себя и обитель архипастырскому благословению и молитвам Вашим, с глубоким почтением совершенной преданностью имею честь быть и т. д.

17 января 1845

К Высокопреосвященному Митрополиту С.-Петербургскому Исидору

3 (4, 262). О духовном и телесном подвигах¹

Благосклонному и благочестивому вниманию Вашего высокопреосвященства имею честь представить труд мой – книгу под названием «Аскетические Опыты». В книге изложены те понятия о духовном подвиге, которые почерпнуты мною в течение долговременного созерцания монашества как в живых представителях его, так и в писаниях святых отцов.

По настоящему положению монашества в России и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении, ближайшее ознакомление и монашества и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновалось. Миновалось оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного отчета в монашеской жизни ни себе, ни братьям своим, живущим посреди мира. Притом занятие телесным подвигом в той степени, в какой занимались им старинные монахи, ныне очень, очень ослабело по причине общего упадка сил и здоровья в человеке. Занятие это уже не воспроизводит атлетов, которые возбуждали бы удивление к себе, обнаруживая что-либо сверхъестественное.

Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов, и его-то вызывает, так сказать, на поприще деятельности современная образованность. Он, один он, может ввести в монастыри и поддерживать в монастырях строго нравственный порядок, доставляя братству точные, правильные, глубокие понятия о христианстве, доставляя братству разумную свободу, соединенную с разумным духовным подчинением, образуя в братстве духовную силу и связь. Он, один он, может облечь монаха во всеоружие для отрешения современных, враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между Евангельским учением и свойствами души человеческой. Он вводит монаха в правильное самовоззрение и истекающее из этого самовоззрения сознание своего падения и необходимости в Искупителе. Самый телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенною благотворностью, которой он чужд, когда действует один.

Расположение и покровительство, оказываемые Вашим высокопреосвященством монашеству, Ваше усердие и ревность к поддержанию его и возведению в преуспеяние, предначертанное Церковным Преданием, внушили мне дерзновение предоставить взорам Вашим составленную мною книгу...

Испрашивая себе Ваше архипастырское благословение и поручая себя Вашим святительским молитвам, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего высокопреосвященства милостивейшего архипастыря и отца покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий

¹ Л. Соколов. Епископ Игнатий Брянчанинов: его жизнь и морально-аскетические воззрения. Ч. 2. Прил. С. 257–259.

Архиепископу Херсонскому и Таврическому Гавриилу

4 (5). Благодарность за память и краткое описание своей жизни и жизни своих родственников

Ваше высокопреосвященство!

Милостивейший архипастырь!

Доселе не могу опомниться от письма Вашего: я утешен, упоен утешением! Читаю письмо Ваше, перечитываю, радуюсь и паки к чтению письма влекусь желанием ненасытно. Как! Ни дальность времени, ни перемена многих разнообразных обстоятельств, ни новые союзы дружбы не могли ослабить в Вас того милостивого, искреннего расположения, которое Вы получили к моему родителю и всему нашему семейству! Кажется, время, истребляющее, по крайней мере весьма ослабляющее впечатления, в Вас только дало им более жизни и силы. Это чудо, восхитительное чудо. Вы пролили в сердце мое радость небесную! Да вознаградит Вас Бог за чувство сладости райской, которое Вы излили в сердце мое письмом, дышущим любовью! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше застало родителя моего в те минуты, как он хотел ехать обратно в Вологду из Сергиевой Пустыни, куда приезжал на две недели для свидания со мною после пятилетней разлуки. Он прочитал письмо, он рыдал от бесчисленных, разнородных чувствований скопившихся в сердце, он просит Вашего архипастырского благословения и молитв. Из детей я старший, Димитрий, который и прежде пользовался особенным Вашим расположением, о котором Вы говаривали Александру Семеновичу; отпустите его в монашество! Ненаглядный Сенюша с другим братом служат в Семеновском полку. Четвертый брат, по старшинству второй, есть тот, который имел счастье быть у Вас в Екатеринославе. Три сестры, две замужем, одна вдовствует. При вступлении моем в разряд послушников спешил я в Орловскую епархию, монашеством обильную, надеясь найти в ее пастыре и покровителя, и наставника. – Достигаю орловских пределов и искомого не обретаю; промыслу угодно было малыми скорбями доставить мне малую опытность, столько нужную в жизни, особенно монашеской. Мне от роду 32 года, родителю моему 59; столько же или не многим более Павлу Алексеевичу Шитилу, которого на днях ожидают сюда. Как родитель мой, так и Павел Алексеевич Шитилу уже старцы, покрытые сединами. Шитилова Елизавета Николаевна, лишившись двух старших детей: сына, одного доброго и даровитого Алексея, убитого на сражении, и дочери, скончавшейся скоропостижно, крайне повредила в здравии. Одно ее утешение – единственный сын Леонид, коего едва ли Вы знаете. Вот малейшая часть моего отчета, которую Вам представляю; впредь надеюсь дополнить.

Сто крат повторяю мою благодарность за столь нежную память Вашу. Поручаю себя Вашим молитвам и благословению, имею честь быть, Вашего высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца покорнейший послушник (на подлинном подпись)

Архимандрит Игнатий, 15 февраля 1839

Некоторому Архиепископу, присутствовавшему в Св. Синоде (Курскому Илиодору)²

5 (6, 43)

Ваше высокопреосвященство.

Милостивейший архипастырь и отец!

Приношу Вам искреннейшую, сердечную признательность за милостивое, христианское участие в моих обстоятельствах!

Видя такое Ваше участие, позволяю себе беспокоить Вас этими строками; по самому участию Вашему примите их благосклонно, рассмотрите изложенное в них при свете духовного рассуждения, которым Господь одарил Вас.

В указе консистории прописана мне следующая резолюция преосвященного викария С.-Петербургского с требованием от меня отзыва: «Консистория имеет спросить настоятеля Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия: не пожелает ли он воспользоваться временным отпуском для излечения, и в таком случае архимандрит Игнатий в отзыве своем имеет рекомендовать то лицо, которому благонадежно может быть вверено исправление лежащих на архимандрите обязанностей впредь до возвращения его по выздоровлении».

Каждое дело, по мнению моему, имеет свой естественный ход, от которого уклониться трудно, которому споспешествуют самые препятствия. Вы меня не осудите, если скажу, что вижу в делах человеческих невидимое, но мощное действие Промысла Божия, который, по учению преподобного Исаака Сирского, особенно бдит над оставившими суетный мир для взыскания Бога, Спаса своего: *«Судьбы Твоя помогут мне»*, – воспевал боговдохновенный Давид.

В резолюции преосвященного викария я нашел и нахожу указание, чтоб я дал именно тот отзыв, который мною дан, отзыв, согласный с прошением о увольнении меня, поданным не в минуту душевного волнения, но надуманным годами и оттого имеющим характер твердости и основательности. Тем, что представляется мне указать на лице благонадежное для управления монастырем во время моего отсутствия, оставляются на мне заботы о благосостоянии монастыря и ответственность за все могущее встретиться. При назначении такого лица мне невозможно обидеть моего наместника, устранением его от поручения; невозможно устранить его, потому что он один мог бы, при благоприятных обстоятельствах, поддержать Сергиеву пустынь в том виде, в каком она теперь; невозможно указать на него по известным к нему отношениям преосвященного викария, который может своими распоряжениями связать, исказить все его распоряжения, расстроить монастырь, а вину расстройства, им самим произведенного, возложить на наместника. По подобным распоряжениям его преосвященства и мне нельзя долее оставаться настоятелем Сергиевой Пустыни, если б даже болезненность моя не вынуждала меня к удалению. Сказав это, останавливаюсь распространяться! Весьма рад, что болезненность моя дает мне полновесный повод к удалению и избавляет от отвратительного многословия, долженствующего состоять из оправданий и обвинений, что так противно уче-

² Письма епископа Игнатия к разным лицам. Вып. 1. Сергиев Посад: 1913. С. 51–56.

нию Христову, что мучит душу, хотя несколько вкусившую сладость мира, истекающего из соблюдения заповедей кротчайшего Господа Иисуса Христа.

Резолюция преосвященного викария сохраняет по самому естественному ходу дела, обнаруживающему впрочем залог сердечный, общий характер его поведения относительно меня. Это – фигура, это – слова, из которых образуется какая-то маска, при первом, поверхностном взгляде кажущаяся чем-то. Вглядитесь в нее поближе – увидите безжизненность, картон, белила, румяна, неблагорасположение, неблагонамеренность. Опять оставляю распространяться. *«Да не возглаголют уста моя дел человеческих»*, да не пресмыкается мысль моя в земном прахе, да не блуждает в соображениях человеческих, темных и производящих одно смущение, *«да помянет она чудеса Божии и судьбы уст Его, яко Той Бог наш, по всей земли судьбы Его»*.

Скажу Вашему высокопреосвященству просто и прямо: болезненность моя требует совершенного удаления моего из Сергиевой Пустыни навсегда. Обстоятельства содействуют удалению. Вижу в этом судьбы Божии, вижу благодетельствующую мне руку Божию, ведущую меня в уединение – *«да узрю грех мой и попечуся о нем»*. В глазах моих люди в стороне. Действует Промысел Божий, в деснице которого люди – орудия, орудия слепые, когда благоволят о слепоте своей. От зрения Промысла Божия сердце мое сохраняет глубокий мир к обстоятельствам и людям. А мир сердца – свидетель святой Истины!

Когда в день преподобного Сергия, Вы, святой Владыка, находились в Сергиевой пустыни для священнодействия; тогда в духовной, искренней беседе я сказал Вашему высокопреосвященству, что имею неперменное намерение уклониться от должности в безмятежное уединение. С тою целью оставил я мир, с этой постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре. Я всегда желал глубокого уединения, боялся его, признавая себя не созревшим к нему; боялся самочинно вступить в него. Но когда указывается оно Промыслом Божиим, то благословите меня, грядущего во имя Господне!

Как уже оставляющий настоятельство Сергиевой Пустыни могу с откровенностью сказать об отношениях сердца моего к этой обители. Четырнадцатый год провожу в ней – и ни к чему в ней не прилепилось мое сердце; ничто в ней мне не нравится. Только к некоторым братьям я питаю истинную любовь! Кажется – едва выеду из Сергиевой Пустыни – забуду ее. Я занимался устройством ее, как обязанностью; принуждал себя любить Сергиеву пустыню, как в Инженерном училище принуждал себя любить математику, находить вкус в изучении ее сухих истин, переходящих нередко в замысловатый вздор. Стоящая на юру, окруженная всеми предметами разнообразного, лютого соблазна, обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Быть бы тут какому-либо богоугодному заведению и при нем белому духовенству! Не по мысли мне монастырь – Сергиева Пустынь. И я ей был не по мысли: поражая меня непрерывными простудными и геморроидальными болезнями, производимыми здешними порывистыми ветрами и известковою водою, она как будто постоянно твердила мне: ты не способен быть моим жителем – поди вон!

Всякое решение Святейшего Синода приму с благоговением и с благодарностью: уволят ли совершенно на покой, скажут ли, что увольняют впредь до выздоровления, за все благодарен. Я мог однажды привести ее в некоторый порядок, другой раз к такому труду не способен! Нужно было образовать сердца, воспитать новых монахов из юношей, ими заменить старожилов, окостеневших в своих навыках. Для этого нужно время, нужны годы, нужны нравственные и телесные силы: они истощились; повторение такого же труда для них невозможно! Изможденное болезнями тело требует отдохновения, спокойствия; душа, насмотревшись на суету всего временного, хочет быть сама с собою; перед нею открывается вечность; она готовится в путь отцов своих, находит нужду, крайнюю нужду к этому приготовлению; сократилось, исчезло пред нею время остальной моей жизни. В вечность! В вечность! Туда – и взоры, и мысли, и сердце.

Некоторые устрашают меня теми неудобствами, с которыми бывает сопряжена жизнь на покое не только настоятелей, но и архиереев. Отвечаю: нет рода жизни без своих скорбей, но я высмотрел жизнь монастырскую подробно, не только сверху, но и снизу, проводивши многие годы послушником. Точно, пришлось видеть некоторых настоятелей, живущих будто бы на покое, но по самой вещи на беспокойствии в полном смысле. Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе, и по телу. В пример последних могу представить почившего в Бозе, известного по благочестию, отца Феофана, архимандрита Новоезерского: я имел счастье его видеть, имел счастье с ним беседовать. По моему мнению, заимствованному из учения преподобных наставников монашества, утвержденному собственными наблюдениями, настоятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в Законе Божием, если изберет в жребий свой часть Марии, остережется от всякого участия в части Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном. Есть у меня советник, которого советом я руководствуюсь в моем поведении при настоящих обстоятельствах. Пленяюсь его советом, увлекаюсь им! «Блаженни, – говорит он, – препоясавшиеся по чреслам своим к морю скорбей, простотою и неиспытным образом, любви ради, яже к Богу, и не давши плещи. Сии скоро к пристанищу Царствия спасаются, и почивают в селениях добре потрудившиеся, и утешаются от злострадания своего, и радуются во веселии надежды своея...; размышляющие же много помышления, и хотящие зело быти премудрии, и предающие себе обращением помыслов и боязни, и предуготовляющиеся, и предзрети хотящие вредительныя вины, множайшии из сих при дверех домов своих выну сядяще обретаются. Якоже рекшии: Сыны исполинов видехом тамо, и бежом пред ними яко пружи. Сии суть во время скончания своего обретающиеся на пути, присно хотящие быти премудри, положити же начала отнюдь не хотяще. Невежда же плавает с первою теплою и переплывает, попечения о теле отнюдь не творя...

Внемли себе, да не будет многость премудрости твоя поползновение души твоей и сеть пред лицом твоим: но на Бога уповая, с мужеством положи начало пути исполненного крове, да не обрящешься присно скуден и наг разума Божия. Бояйся же и ждый ветров, не имать сеяти... Сего ради не упрямудряйся излишне отнюдь, но даждь место вере в мысли твоей, и поминай дни оны многия, и будущия и неисповедимыя веки, сущия по смерти и Суде, и не внидет некогда слабость в тебе... С мужеством начни всяко дело благо, и да не с двоедушием приступиши к нему, и да не усумнишися в сердце твоём о надежде Божией... Но веруй в сердце твоём, яко милостив есть Господь, и взыскающим Его даст благодать яко мздовоздаятель, но не по деланию нашему, но по усердию душ наших и вере. Глаголет бо: «якоже веровал еси, буди тебе» (Св. Исаак Сирский, сл. 58).

Мое настоящее положение очень похоже на то, в каком я был при оставлении мирской жизни. Многие судили и рядили о нем, но редкие – при правильном взгляде на предмет. Отречение от мира может ли быть понято, истолковано теми, которые вполне пленены миром, погружены умом, сердцем, телом в наслаждения мира? Учение отцов Церкви извлекло меня из мира: оно помогало в терпении скорбей от мира: оно зовет в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в ее неизмеримые области. Читаю, вижу в себе, что побыв в уединении, сделаюсь окончательно неспособным ко всякого рода наружным должностям!.. Уединение действует, как отравы: умерщвляет.

Вы являете столь обильное расположение ко мне, что я считаю излишним просить Вас о чем-либо. Открывая пред Вашим высокопреосвященством мое состояние по душе и телу, я предоставляю все прочее на Ваше рассуждение. Вы, как имеющий практические духовные сведения, столь чуждые людям одного лишь светского образования и направления, можете оказать мне существенную помощь, сообщив моим обстоятельствам направление, соответствующее моим целям, облегчить мне стремление к ним, а потому и самое достижение их. Этим

сделаете мне благодеяние не земное, благодеяние столь достойное святителя Христова, благодеяние, которому награда – на небеси!

Испрашивая Ваших святых молитв и архипастырского благословения, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть и проч.

1847

**Преосвященному Леониду
(Краснопевкову), Епископу Дмитровскому³**

6 (7, 109). О нападках на христианство и др. вопросы

Ваше преосвященство!

Милостивейший архипастырь и отец!

Позвольте просить милостивого внимания Вашего к подателю сего письма, Алексею Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здешнего начальника губернии. Алексей Петрович желает вступить в Московский университет. Не откажите ему в полезных наставлениях, в которых всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умножении соблазнов, еще более нуждаются. Мой брат – самый религиозный человек; старался воспитать сына в страхе Божиим, а теперь, отпуская из своего личного надзора, поручает его Богу и Божиим служителям.

Московские журналы открыли войну против монашества. Они называют его анахронизмом. Надо бы говорить откровенно и сказать, что христианство становится анахронизмом. Смотри на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит христианству и вступает в отношения к нему самые враждебные. Это видят на самом опыте сельские священники: положение священников, особливо благонамеренных, становится самое трудное. Все это видит Бог.

Да совершится воля Божия! Да покроет нас милость Божия.

[...] Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего преосвященства покорнейшим слугою

*Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский,
24 января 1860*

8 (9, 111). О русском переводе Св. Писания и о др. вопросах

Преосвященнейший владыко!

Милостивейший архипастырь и отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившею Всесвятою Пасхою, мое усерднейшее желание Вашему Преосвященству всех истинных и совершенных благ и всерадостное приветствие: Христос воскрес!

Сегодня имел истинное удовольствие получить письмо Ваше от 30 марта и приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивейшие заботы Ваши о моем убогом слове. Сердечно

³ Л. Соколов. Ч. 1. Приложен. С. 157–171.

радуюсь, что слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу, кажется, Дух Святой, сообщив апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всей ясностью указал волю Божию, состоящую в том, чтоб слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках...

На четвертой неделе Великого поста я очень болел летучею оспой. [...] Болезнь моя была очень сильна; упадок сил – необыкновенный, пасхальную неделю провел в постели; на ней провожу и теперь большую часть времени. Весьма благодарю Вас за известие о высокопреосвященнейшем митрополите. Всеблагий Господь да подкрепит его силы в настоящее трудное время, в которое начинают заигрывать многоразличные бури. [...]

Поручая себя Вашим святым молитвам и о Господе любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего преосвященства покорнейшим послушником

Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский

9 (12, 114). По поводу возникших неприятностей с о. Епифанием, ректором Академии

Ваше преосвященство!

Милостивейший архипастырь и отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим праздником праздников и мое усердное желание Вашему Преосвященству истинных и совершенных благ.

Письмо Ваше от 1-го декабря 1859-го года я храню как сокровище. Оно и есть сокровище. В нем показаны самые верные отношения епископа к ректору и ректора к епископу. Как эти отношения установил у себя и этих отношений постоянно держится мудрый и опытный святитель Московский, то я счел обязанностью своею держаться их и держаться постоянно в сношениях моих с арх. Епифанием. [...]

Позволяю себе обеспокоить Ваше преосвященство покорнейшею просьбой. Если Вы получили от о. Епифания какую-либо жалобу на меня, не откажитесь, ради любви о Господе, сообщить ее предварительно мне, в каком Вам благоугодно виде, чтоб и я мог что-нибудь сказать и тем отнять у жалобы односторонность. Этим Вы окажете обоим нам истинное благодеяние: мне доставите возможность исправиться в моей погрешности и впредь быть благо-разумнее, а о. Епифания Вы сохраните в благоприличных пределах необходимой для инока скромности, от попыток писать на своего архипастыря нелепости и колебать в епархиальном ведомстве необходимую для него субординацию.

Поручая себя братской любви Вашей и прося Ваших святых молитв, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего преосвященства покорнейшим слугою

*Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский,
1 июня 1861*

10 (15, 117). О слепоте и легковерии людей

Ваше преосвященство!

Милостивейший архипастырь!

Сатана всегда старается расстроить порядок, учрежденный Богом, обманывая человека софизмами и употребляя самих же человек к разрушению их временного и вечного благополучия. О! Как человек (сужу по себе) слеп и легковерен. С великим трудом он решается поверить Богу, с величайшею скоростью, очертя голову, как говорится, верит сатане.

Из уединения моего смотрю на мир, как на корабль, плывущий вдалеке, и исполняюсь желания, чтоб он плавание свое совершал под покровом милости Божией. О! Да не предаст она нас водительству лжеименного разума – этого источника бедствий человеческих.

Поручая себя Вашим святительским молитвам и о Господе любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего преосвященства милостивейшего архипастыря и отца покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий

Приношу Вашему преосвященству искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание о ближних моих, которые сами будут благодарить Вас.

13 декабря 1863

11 (18, 120). О монашестве

Ваше преосвященство!

Милостивейший архипастырь!

Приношу Вам искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне и усерднейшее поздравление с наступившим праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом, который желаю Вам препроводить в вожделенном здравии и благополучии.

Спаси Вас, Господи, за любовь Вашу к монашеству. Многие ныне жалуются на него, видя или отыскивая в нем разные недостатки, но монашество – барометр, который, стоя в уединенной комнате, со всех сторон замкнутой, с точностью показывает состояние погоды на улице. Старые здания должно исправлять с большою осмотрительностью и знанием дела: иначе исправление может превратиться в разрушение. Буди воля Божия!

Прося Ваших святительских молитв в подкрепление моих немощей душевных и телесных, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего преосвященства милостивейшего архипастыря и отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий

[...]

10 января 1867

12 (21, 123). Состояние образованного общества и духовенства того времени

Ваше преосвященство!

Милостивейший архипастырь!

Вы не ошиблись, почтив меня уведомлением о предоставлении Вам епископского сана! Я искренно порадовался этой вести и уповаю на милость Божию, что Вы будете проходить великое служение, на Вас возлагаемое, во славу Божию, для существенной пользы святой Церкви.

На Вас лежит великая обязанность примирять главные сословия отечества, которые разрознило европейское учение. Влиянию этого учения много подчинились и духовенство, и дворянство. Я читал с ужасом январские и мартовские статьи казанского *Православного Собеседника*, в которых столкновение сословий выражено очень ярко. Церковь и духовенство пострадали, страдают и, кажется, должны пострадать от европейских учений, а не какого-либо сословия. Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которую они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое! Здесь я познакомился с белым духовенством гораздо более, чем я был знаком в Петербурге, и нахожу, что между ними имеются самые добрые люди, что все вообще духовенство может быть направлено прекрасно, что оно очень девственно, что его погрешности и недостатки более грубы, нежели глубоки. Воля Ваша: нужно воспитание и направление более определенные. Труды на этом поприще принадлежат Вашему преосвященству. Вы очень близко ознакомились с духовенством и с духовным сословием: Вам ясны те средства, при помощи которых оно может быть удовлетворено и сближено с другими сословиями, что необходимо для пользы Церкви, для пользы общественной. Благодарю Бога: здешнее духовенство являет ко мне особенное расположение, но я стар, сформировался в монастыре и для монастыря, не могу проникнуть в быт духовенства так, чтоб я мог судить о нем вполне основательно.

Поручая себя Вашей братской о Господе любви Вашим святым молитвам, с искренним желанием Вам всех истинных благ, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего преосвященства покорнейшим слугою

*Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский*

13 (22, 124). О монашестве, духовном подвиге и об образовании юношества в духовных училищах

Ваше преосвященство!

Милостивейший архипастырь!

[...]

Приношу Вам искреннейшую признательность за попечения Ваши о «Слове о смерти». Со мною часто беседуют о смерти мои недуги. Назидательна эта беседа! После нее мир со всеми его событиями представляется совершенно в ином виде. Око странника смотрит иначе, нежели око постоянного жителя.

Порадовали меня сведения, начертанные в письме Вашем об Угренском монастыре. Спаси, Господи, отца Пимена, употребившего и употребляющего все свои способности во славу Божию! Ныне трудно найти монастырь благоустроенный! Во многих обителях воздвигаются различные здания значительных размеров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! Во многих обителях совершенно потеряна нравственность. Говорю так, имея под глазами самое печальное зрелище – Черноморскую пустынь, монастырь с весьма значительными средствами, расположенный на весьма уединенном месте. Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное развитие.

Искренно желаю, чтоб реформы по духовным училищам достигли благих результатов. Весьма полезно воспитанников духовных училищ удалять, по возможности, от соблазнительных впечатлений мира и самому образованию дать характер более сильный и определенный, чтоб образование действовало не только на ум, но и на сердце, чтоб образованный в духовном училище воспитанник получал решительный характер православного христианина, приготовившегося служить Церкви от всей души. У нас выходит воспитанник каким-то неопределенным направлением: он желает получить священническое место, если оно выгодно; если, по случаю, представится более выгодное место в приказных, то он нисколько не останавливается принять его. При беседах всегда слышишь на первом плане мысль о выгоде. Необходимо подробное преподавание Церковной истории, чтоб воспитанники имели понятие о характерах исторических лиц и сами формировались по характерам истинных служителей Церкви. От преподавания, действующего исключительно на ум, происходит холодность к церковному делу и является по преимуществу материальное направление. По причине этой холодности у нас почти нет монашествующих из воспитанников семинарий. Не идут в монастыри! Не ощутили расположения к самоотвержению, к духовному развитию. От этого монастыри в большом упадке, будучи пристанищем для одной неграмотной ревности. Если б воспитанники семинарий шли в монастыри, они были бы совсем в другом положении. Буди воля Божия! Ничего не сделаешь против поущения. Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего преосвященства покорнейшим слугой

*Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский,
22 июня 1859*

14 (23, 125). Состояние духовенства и мирян того времени

Преосвященнейший Владыко!

Милостивейший архипастырь и отец!

С сердечною радостью и благодарностью прочитал я письмо Ваше от 25-го мая, письмо уже епископа, и пожелал Вам из глубины души моей всею полнотою моего желания истинных и вечных благ и даров, свойственных истинным рабам и ученикам Христовым. Благодарю Вас и за святую икону, которая будет мне постоянно напоминать о Вас. Не прерывайте любви Вашей ко мне: я странствую по пути земной жизни весьма одиноко.

Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не обиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время, провозглашающее о своей положительности (1 Сол. 5, 3). Есть много ведущих Бога и угодных Богу по свидетельству человеческого, но трудно найти засвидетельствованного Богом боговедца и богочтеца. Свидетельство Божие ясно, как солнце, но мир слеп и потому не видит свидетельства Божия; не видя свидетельства Божия, он заменяет свидетельство Божие свидетельством своим и мнит удовлетворяться. Как хорошо поступали наши древние отцы Церкви Православной! Они, обучившись наукам человеческим, воспринимали на себя иго Христово и на поприще самоотвержения, под руководством Креста Христова, научались Божественной премудрости, и соделывалась для них человеческая ученость уничиженной рабою, которую они употребляли в услужение Божественной премудрости для преподавания этой премудрости своим ближним.

Книжник, научившийся Царствию Небесному, может износить из себя и ветхое и новое, покорив ветхое новому и приспособив к нему, а не научившийся, очевидно, может износить только одно ветхое, которое есть смерть и вражда на Бога, которое производит и на ближних свойственное себе впечатление, хотя бы и говорили им о Боге, хотя бы и чесало слух души, возбуждая в ней тончайшее прелюбодейное движение страстей, признаваемое многими за действие благодати. Спаси нас, Господи! Гибнем от себя, возлюбив собственные свои учения и отвергнув или мало ценя учение, ниспосланное нам Богом.

В настоящее время совершаю путешествие по западной половине моей епархии, по Черноморию, не так растленному, как другие места. Но и сюда проникло европейское просвещение с блудом своим, а о казенных крестьянах и говорить нечего. Чиновники у них голые и голодные, кончили курс в разных университетах, веруют, кажется, в одни деньги; на корне зла вырастают все ветви зла. Что из этого будет! По всей вероятности, такие, кончившие курс в университетах, вскорости сделаются правителями и руководителями всего простого народа. Вот Вам результаты, весьма скромно высказанные, практических взглядов на русскую землю.

Поручая себя снова Вашей отеческой и братской любви, прося Ваших святых молитв, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего преосвященства милостивейшего архипастыря и отца покорнейшим послушником

*Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский.
Тамань*

К Преосвященному Епископу Савве⁴

15 (25). Благодарность за присланные жизнеописания св. Нифонта и св. Андрея

Примите мою искреннейшую признательность за распоряжение Ваше о снятии для меня списков с подробных жизнеописаний святого Нифонта и святого Андрея. Эти жизнеописания очень важны в отношении к учению о духах, но не знаю, смогу ли воспользоваться Вашею милостью как должно: силы мои истощились до невероятности и не только не могу заниматься письменным трудом, но даже и чтением. Знакомым моим в Москве я поручил выразить мою благодарность занимавшимся перепискою жизнеописаний.

Приношу Вашему преосвященству усерднейшее поздравление с наступившим праздником праздников, при желании Вам всех истинных благ.

⁴ Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского. Т. 3. (1862–1876). Св. Троицкая Сергиева Лавра, 1901. С. 358.

К Епископу Феофану Затворнику

16 (26). К вопросу о природе Ангелов и совет епископу Феофану без призвания Божия не оставлять кафедру⁵

Ваше преосвященство!

Милостивейший архипастырь и отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за откровенное письмо Ваше от 29 мая. Отвечаю на него с такою же откровенностью.

По вступлении моем в жизнь аскетическую и потом в монастырь, хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душе и духах я имел понятие неопределенное, признавая и называя их по общему поверхностному пониманию бесплотными и неведущими; нужды входить в дальнейшее рассматривание не представлялось. Вступил я в монастырь в 1824-м году, а начал заниматься Писанием и отцами гораздо раньше, можно сказать с детства. С 1843 года, независимо от меня, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами. Да и для всех оно имеет существенную пользу; лучше ознакомиться с миром духов прежде смерти, нежели при наступлении смерти, как ознакомились многие к величайшему удивлению и ужасу своему, в противность понятиям заимствованным у западных мечтателей. Опыт доказывает верность учения отцов со всею решительностью. Темное и загадочное делается очень ясным и простым. – Что ж каса-

⁵ ГПБ ф. 1000 1924. 171. Жизнеописание епископа Игнатия. Прил. 1. Письмо является ответом преосвященному Феофану (затворнику Говорову), бывшему епископу Владимирскому и Суздальскому, на его письмо; текст приводится ниже: Ваше преосвященство, милостивейший архипастырь! Искреннюю приношу благодарность Вашему Преосвященству за дорогой подарок Ваш (1 том «Аскетических Опыт» – Прим. ред.). – Он и без подарения подарок православным. Авось оживит заснувших. И сия благодать пробуждения да сопутствует всякой книжке и всякую душу да проникает при чтении ее. При всем том добре, которое так веет от книг, содействовать распространению их поудержусь, пока не удостоверюсь в справедливости мнения о вещественности души. – Мысль сию считаю неправославною и опасною. – Приводимые Вами доказательства никак не убедительны. – Но Вы убедились же ими. – И вот присматриваюсь к ним попристальнее – не откроется ли в них какая-либо сторона, способная осветить во мне сей темный предмет. Часто не видишь дела от необычности его. А для меня это – новость первой руки. – Душа – эфирна. – Кто же это думает у нас Богу молиться, чаёт горнего и ради того отказывается от всего земного и вещественного? – С веществом, как его ни утончайте, духовные явления совсем не вяжутся, и нигде мне не случилось слышать такого учения, – у мыслящих два приема: одни думают, что душа чисто духовна – и светлая, а другие полагают, что она – сама по себе духовная, имеет световую оболочку, с коею не разлучается – ни в теле, ни вне тела. Подобная же оболочка и у Ангелов. Эти оболочки и суть то, что видится в Ангелах и душах отходящих. Разумные же духовные отправления и действия принадлежат чистому духу – душе. – Этой последней мысли я всегда придерживался. Заставляла придерживаться легкость объяснения явлений и видений. Но теперь поколеблен в ней и склоняюсь в первую. Ибо нет нужды в сей оболочке. Ее может привлекать к себе сила духа – физическая, как преобладающая над всем вещественным всякий раз, когда нужно сие. – И дух есть и сею бытовою стороною физическою же, хотя чисто духовною стоит в ряду всех бытствующих и на них действует, по мере дарованной ему силы в творении. – Всяко этого можно и не держаться; не в угоду, однако ж, вещественности души. Се Вам исповедь моя! Благословите и помолитесь о мне многогрешном. Совсем осуетился. – И очень часто порываюсь на Вашу дорогу. – Когда бы то устроилось сие! – Не вижу ворот по моей близорукости. Иногда бываешь готов за перо взяться и писать прошение о том; да что-то в груди поперечит. – И остаюсь при одном желании. – Будем сидеть у моря и ждать погоды. – А грехи так и тяготят, а страсти так и быют по бокам. Господи, помилуй нас. Всех Вам благ от Господа желаю. С глубоким почитанием и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугой, Феофан, епископ Владимирский, 28 мая 1865.

ется до слова эфир, то химия называет этим словом материю совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределенную, вовсе неизвестную человеку. Существование же ее признается по той необходимой причине, что пространство за земной атмосферой, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле – невеществен один необъемлемый пространством Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души, пребывает неопределенным для нас по невозможности определить его. Наука признает невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу – жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени – решительная нелепость. Все ограниченное по необходимости зависит от пространства.

Паства Ваша пользуется обильно назидательным словом и примером Вашим. Если Промысл Божий поставил Вас на свещнике, – зачем сходить с него без призвания Божия? Может быть, в свое время, откроется это призвание. Может быть, все обстоятельства единогласно выразят его! Тогда оставите мирно кафедру Вашу, тогда уйдете мирно в келию – преддверие вечности. Пребывая в келии, не будете тревожиться мыслию при келейных искушениях, что эти искушения последовали за предупреждение воли и указаний Божиих. Простите за слово любви!

Поручаю себя Вашим святительским молитвам. Силы мои и здоровье оскудели до крайности, до невероятия; но Милосердый Господь отлагает призыв на суд Свой, ведая мою неготовность и даруя время на покаяние. С чувствами и проч. Вашего преосвященства милостивейшего архипастыря и отца покорнейшим послушником

*Епископ Игнатий,
4 июня 1865*

К игумену Иларию, настоятелю Николо-Угрешского монастыря

17 (30). Утешение о постигшем искушении

Ваше высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе о. игумен Иларий!

Письмо Ваше от второго октября получил – и сердечно пожалел я Вас – тем более, что Вы испиваете ту чашу, которую пришлось бы мне пить, если бы Промысл Божий не отклонил меня от Угрешской обители. Но Вы сами знаете, где ни жить на земле, а искушения сносить должно. По-видимому, искушают нас человеки, но они без мановения Промыслителя и коснуться бы нас не могли. Так будем в скорбях наших предавать себя воле Творца нашего и себя почитать достойными скорбей – и почием.

Исхождение из искушения не есть переменение мест, но предание себя воле Божией и самоукорение и от сих терпение. Когда будем очень унывать от искушений и роптать на оные, то опасность та предстоит, чтоб не сделаться богоборцами, сказал один св. отец, как явно вооружающимися против попущений Промысла Божия, к нашей великой пользе и врачеванию попускающего нам искушаться. Простите батюшка! Я Вам как себе говорю, ибо я весьма часто скорблю, от своих похотений и страстей влеком и прельщаем, и, заченши, рождая грех ропота и малодушия и гнева, и тогда только обретаю покой, когда предам себя всецело воле Божией. Когда же забуду славословить Господа за все благодеяния Его и предавать себя Его всесвятии воле и Промыслу, тогда паки поднимается буря и душа опять находится в опасности потопления в волнах малодушия и боязни. Если Вы скорбите, то недалеко стезя Ваша от стези угодников Божиих, кои, шествуя посреди многих скорбей и окровавляя ноги свои, достигли града Небесного Иерусалима, в коем не слышатся воздыхания скорбящих, но раздается глас непрестанного радования наследников Царствия Небесного, наследовавших оное скорбями многими.

Отложим, отложим, батюшка, желание безвременного покоя на земле, дабы получить оный вовремя, т. е. по смерти. Уготовим сердце воспринять скорбь как от руки Божией, со благодарением и славословием. И еще потерпите в Вашей настоятельской должности, доколе будет можно. В совести Вашей Вы чувствуете, что монастырь не Вы разорили, а напротив, сколько было сил Ваших и умения, поправили. Владыке, может быть, показалось тяжело глядеть на развалины монастыря, но он как человек благоразумный, весьма может понять, что Вы устраивали подворье как источник дохода, а из сего источника уже будете поправлять монастырь. И Москва не разом построилась! Сказывают, будто есть таковая пословица.

Если же увидите по самой вещи, что невозможно Вам оставаться начальником Угрешской обители, то ворота в Сергиеву пустынь Вам отверзты и о. Петру – если Господь потерпит грехам моим и буду еще Сергиевским настоятелем. Но лучше, мой совет, и еще потерпеть, доколе можно, – и обновлением и устройением монастыря оправдать Ваше избрание. Знаю малым моим опытом, каково разоренные монастыри поправлять. И здесь, в Сергиевой, с первого года тысячу из собственной кружки отложил на монастырь, а последние два года и совсем

почти кружки не беру, а всаживаю в монастырь. И при всем том, куда ни посмотришь, везде гнило да валится.

Простите, любезнейший батюшка, потрудитесь, ответьте мне на письмо сие, как Вы решитесь. Прося Ваших молитв святых, имею честь быть Ваш покорнейший послушник.

6 октября 1837

Настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину

18 (31). О своем намерении уйти на покой и поселиться на Валааме и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие, честнейший отец игумен Дамаскин! В сих строках продолжаю мою беседу с Вами, начатую в святой обители Вашей. По приезде моем в С.-Петербург был я у Его высокопреосвященства митрополита Никанора. Он хотя ничего не сказал определенного относительно помещения. С моей стороны намерение мое оставить настоятельство, к принятию которого я вынужден был необходимостью, есть намерение решительное. Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители; только в случае невозможности поместиться в ней имею в виду Оптину Пустынь. Последняя представляет больше выгод в материальном отношении: там климат гораздо благораспорядочнее, овощи и плоды очень сильны и в большем количестве, но Валаам имеет бесценную выгоду глубокого уединения. Сверх того сухие и теплые келии (так как я из келии выхожу только в хорошие летние дни, а весною, осенью и зимою почти вовсе не выхожу) могут и в материальном отношении много облегчить для меня пребывание на Валаамском острове.

Посему предоставив Самому и Единому Господу исполнить во благих желание раба Его и устроить мою судьбу по святой Его воле, с моей стороны считаю существеннейшею необходимостью для благого начала и окончания этого дела войти в предварительное объяснение, а за объяснением и соглашением с Вами, отец игумен. Как лично я Вам говорил, так и теперь повторяю, что все доброе, все душеполезное, которое по милости Божией может произойти от сего начинания, вполне зависит от нашего единодушия о Господе, то есть единодушия Вашего и моего. Господь, сказавший Своим ученикам в окончательные минуты Своего земного странствования: *«Мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам»*, силен и нам даровать Свой мир, если мы будем учениками Его, стремясь исполнить Его волю, а не свою. На сем камени мира, который сам утверждается на камени заповедей Христовых, основываясь, имею честь представить на благоусмотрение Ваше следующие мои рассуждения.

Во-первых, скажу Вам, что из всех известных мне настоятелей по образу мыслей и по взгляду на монашество, также по естественным способностям, более всех прочих мне нравятся Вы. К тому надо присовокупить, что по отношениям служебным как я Вам, так и Вы мне давно известны. Сверх того я убежден, что Вы не ищете никакого возвышения, соединенного, разумеется, с перемещением в другой монастырь, но остаетесь верным Валаамской обители, доколе Сам Господь восхочет продлить дни Ваши. Далее, как я выше сказал, по моей болезненности долговременной и сообразно ей сделанному навыку, я выхожу из келии только в лучшие летние дни, а в сырую погоду и холодную пребываю в ней неисходно, то посему самому жителю в скиту было бы для меня более сродным и удобным. Самая тишина скита, в который навсегда воспрещен вход женскому полу, совершенно соответствует требованию моего здоровья и душевному настроению. Скит защищен отовсюду древами от ветров: это бы дало мне возможность поработывать хотя в летние дни, что существенно нужно по моему геморроидальному расположению; на ветру же я не способен трудиться, потому что при малейшем движении от крайней слабости покрываюсь испариной и подвергаюсь простуде. При Вашей опытности Вам понятно, что вслед за помещением моим в скит многие захотят в оный поместиться. Следовательно, если Вам внушит Господь расположение поместить меня в скит, то необходимо Вам снизить немощи моей и, может быть, и других, подобных мне немощью. Испытав себя, я убедился, что одною растительною пищею я поддерживать сил моих не в состоянии, делаюсь способным только лежать в расслаблении. И Вы, конечно, замечаете, что и братия, в настоя-

щее время живущие в скиту, отягощаются такой малопитательной пищей и к обеду наиболее приходят в монастырь. Удобное прежнему крепкому поколению соделалось неудобным для настоящего немощного поколения. Поелику же Вам небезызвестно, что суббота, пост и прочие внешние подвиги и наблюдения установлены для них, то не заблагорассудите ли ввести в скит Валаамский постановления Оптинского скита, основательность которых и благоразумная сообразность с немощью настоящего поколения доказывается тем, что Оптиный скит изобилует избраннейшим братством, весьма много способствующим к цветущему благосостоянию скита и самого монастыря. Это избранное братство состоит из нескольких настоятелей, живущих на покое, и из нескольких лиц образованного светского круга. Будучи слабее телосложением, нежели простолюдины, они не способны к сильным телесным трудам и подвигам, за то способнее к подвигу душевному и к занятиям, требующим умственного развития. Вам известно, что святыми отцами подвиг инога судится по тому, что он имел в миру и к чему он перешел, вступая в монашество; по этому расчету лица вышеупомянутые, живущие в Оптином скиту, перешли к большему лишению, нежели те, которые в монастыре имеют, пожалуй, пищу и одежду лучше, нежели какие они имели в миру. Также Вам известно, что отцы древнего Скита Египетского не считали уже того подвига подвигом, о котором узнавали люди, а оставляли этот подвиг, вменяя его в грех (Патерик скитский, буква «С» в статье о Сисое Великом). Так думали и поступали святые отцы, желая приносить себя в жертву всецело Богу, а не человекоугодию и тщеславию. С сожалением я увидел, что некоторые журналы провозгласили печатно о строгости поста в Валаамском Скиту в решительную противоположность Евангелию, которое повелевает, чтоб пост и прочие подвиги благочестия совершались втайне (Мф. 6, 4), не только совершались втайне, но и были скрываемы со всевозможною тщательностью, иначе не могут быть истолкованы слова <...>⁶, суть в том при вкушении пищи пришедшем ему и принятым им помыслом, внушившим ему повоздержаться* особенно и сверх обычая. Св. Василий Великий и согласно с ним другие св. отцы утверждают, что если б нужно нам было иметь расслабленные тела, то таковыми сотворил бы их Бог; почему они заповедают меру поста именно таковую, какая необходима для обуздания плотских страстей, которая вместе с тем не расстраивала бы тех, но сохраняла их способными к исполнению заповедей Христовых или, проще сказать, к послушаниям и подвигам бдения, молитвы и коленопреклонений, к чему расслабленные тела окончательно не способны. Все сие предлагаю, возлюбленный отец, на рассуждение Ваше, дабы Вы и подвиглись к нисхождению моей немощи и подобных мне немощью. Если нынешняя братия Валаамского скита, состоящая единственно из простолюдинов, не в состоянии поддерживать силы свои исключительно растительною пищею, а для укрепления сил своих стремится к трапезе монастырской, то для истощенного моего телосложения и для телосложения людей нежного* воспитания питание одной растительной пищей вполне невозможно.

Сначала и в Оптином Скиту ревность учредителей его устремлялась было к особенному строгому посту, но усмотрев, что при такой строгости скит должен остаться без братии, она смягчилась и дала устав для пищи более доступный, впрочем все еще гораздо более строгий, нежели устав о пище, положенный Церковью для схимника, живущего в монастыре. Однако, несмотря на таковое смягчение, мало, очень мало было охотников из многочисленного братства Оптиной Пустыни для жительства в скиту. Когда прибыл туда старец иеросхимонах Леонид с несколькими учениками своими и настоятель предал ему скит в духовное управление, тогда скит начал населяться, и населяться преимущественно людьми некрепкого телосложения, искавшими спокойствия в уединении. Число жившей в нем братии простиралось до 30 человек. Всему этому, т. е. состоянию скита до прибытия о. Леонида и состоянию его по прибытии старца, я был очевидцем. Старец распростер благотворное влияние на самый монастырь, поддерживая братий в расположении к настоятелю и укрепляя их в душевных бранях. Такое

⁶ Пропуск оригинала. – М. Лозинский.

обилие окормления удвоило число братства в самом монастыре, а потому возвысило в нем порядок и привлекло в оный значительные пожертвования, при помощи которых монастырь отстроился и сверх того обеспечил свое содержание. Потому говорю я Вам так подробно об Оптином Ските, что цветущее его состояние и происшедшее от него благоустройство самого монастыря суть факты, а факты составляют самое верное доказательство.

Что же касается до самого общежития, то есть самого монастыря Валаамского, то я нахожу настоящее его устройство первым в России, далеко высшим знаменитых общежитий Белобережского, Площанского, Софрониевского, даже Оптинского и Саровского: потому что в этих монастырях, гораздо более близких к миру, иноки имеют несравненно более средств сноситься с миром, заводить с ним связи, иметь свое и тем отделяться от общего тела общежития. Общежитие Валаамское должно оставаться надолго в настоящем его виде: оно необходимо для натур дебелих, долженствующих многим телесным трудом и телесным смирением, косо, как выражается святой Иоанн Пророк, ученик Великого Варсанофия, войти в духовное, или, по крайней мере, душевное делание. В материальном отношении братия Валаамского монастыря снабжены несравненно обильнее вышеупомянутых общежитий и одеждою, и пищею. В Пасху там братия не кушают такой ухи, какую кушают валаамские иноки в обыкновенный недельный день, также и одеждою братия валаамского общежития снабжены гораздо удовлетворительнее, нежели братия означенных общежитий.

Начертав пред Вами состояние Валаамского монастыря и скита, какими они представляются моим взорам – взорам впрочем очевидца их, – я перехожу теперь к начертанию моего грешного и недостойного лица пред сими св. обителями. Вам известна моя немощь, мое происхождение и нежность воспитания. Для них принятие и того устава, который я Вам предлагаю по образцу Скита Оптиного, есть уже великий подвиг и распятие. Предприятие чего-либо большего превышает мое соображение, «Да не смятении и отсечении житие твое, – говорит преподобный Исаак Сирский в 80 слове, – и за воздержание мала труда да не останешься и престанеши от всего течения твоего. Яждь умеренно, яко да не всегда еси, и да не простреси ноги твоей выше силы, да не отнюдь праздней будеши».

За сим не угодно ли будет Вам обратить внимание на главу 36-ю иноков Каллиста и Игнатия, Добр., часть 2 «О рассуждении», положенную ими сряду – после изложения телесных подвигов и уставопиция, подобающих безмолвствующим. Надо заметить, что овощи и плоды средней России несравненно сильнее северных, а произведения южной России столько же сильнее среднеполосных; плоды же и овощи Цареграда и Афона, где жили Св. Каллист и Игнатий, равняются питательною силою рыбе северных краев и даже превосходят ее. «Тело немощное, – сказал Св. Исаак Сирский в 85 слове, – егда понудиши на дела, многша силы его, помрачение на помрачение и душу твою и смущение тем паче наносиши». Все сие представляя на благоусмотрение Ваше, прошу Вас снизить моей немощи и единокрутных со мною братий, которым подвигов общежития не понести, и которые могут понести подвиг Скитский, по растворении его благоразумною умеренностью.

Тем более кажется, настоящего случая не должно упускать, что всячески, по прошествии непродолжительного времени, должно же будет учинить упомянутое снисхождение и изменение в уставопиции Скитском, иначе никто не будет жить в Скиту. Стали немощны, батюшка! Притом, как я выше сказал, устав Оптинского Скита «о пище» строже положенного Церковию для схимника. Так, когда положено уставом употребление рыбы, она поставляется на трапезе; кажется, в течение сорока дней в году разрешается на сыр и яйца, масло скоромное и молоко. Как в Валаамском общежитии не употребляется молоко, то и в Скиту не должно вводить его; а прочее все полезно бы ввести как для пользы телесной, так и для пользы душевной: ибо и св. Иоанн Лествичник вкушал от всего, дозволенного чину иноческому, с целью избежать душевных страстей тщеславия, мнения о себе, человекоугодия, тайноядения, лицемерства, лукавства, лжи, которые часто являются у подвижников по плоти и соделывают для них духовное

преуспевание решительно невозможным. Бог является простоте и смирению и нельзя соединить служение Ему со служением славе человеческой.

Чувствую себя, по приезду в свой монастырь, столько же немощным, как чувствовал в бытность мою в святой обители Вашей. Но при удалении моем от должности и при перемещении в уединение Вашего Скита, может быть по особенной милости Божией, дастся мне время на покаяние и я потянусь несколько годов. В таком случае Валаамский Скит может понаселиться расположенными ко мне иноками, как населился Оптиный при пришествии туда о. Леонида.

На сие письмо мое покорнейше прошу ответа Вашего, сообразно ему буду заботиться о дальнейшем устройении сего дела. С понедельника думаю отправиться в Ладожский монастырь недели на три.

Вашего Высокопреподобия Всепокорнейший послушник. Подлинное подписал

*архимандрит Игнатий,
25 сентября 1855*

19 (32). Увещание смириться с перемещением на жительство в Оптину

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец Игумен Варлаам!

Честнейший отец Варлаам! Нет! не гнушаюсь я арестантами, как Вы пишете в письме Вашем, зная, что и я и во узах греха нахожусь. А таковой арест, т. е. греховный, есть самый поносный, – только о таковом аресте монаху и тосковать и заботиться можно и должно, яко срам его и муки его вечны, аще человек покаянием уз греховных не расторгнет заблаговременно.

Притом – Вы в Оптиной не под арестом, а в числе братства. Господь, питавший Вас на Валааме туне, и здесь питает; а возлюбленный брат о. Иоанникий сообщил мне, что как чаю, так и прочих потребностей Вы не лишены, и о. Игумен Моисей по свойственной ему мудрости Вами отнюдь не отягощается. Единое остается Вам – оставя все земные попечения, готовить душу ко исходу от телесной храмины в жилище Небесное. Паки изволите писать в письме Вашем; хочется узнать – на время или навсегда Вы посланы в Оптину пустыню? Отвечаю: в Указе Синодском ничего не сказано о времени. То за достоверное известно, что где ни будем на земле, на Валааме ли, в Оптиной ли, повсюду гости, повсюду странники, повсюду пришельцы, повсюду на время. Оно же всегда ожидает нас в вечности; там всегдашняя радость или всегдашняя мука.

Советующие Вам опытейшие старцы, весьма здраво советуют оставить земные хлопоты и тягбы судебные, и кои когда увидит сатана впадшего монаха, то вельми о нем радуется, яко о презрителе Заповеди Христа Спасителя, Который чрез Апостола Своего вопиет: *«уже убо отнюдь вам срам есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидими есте, почто не паче лишены бываете»* (Кор, 6, 7).

И тот совет самый мудрый, что Вы против воли в Оптину высшим начальством посланы, а потому благо и полезно Вам волю свою преломить, и воле Божией отдавшись, с благодарением переносить малое искушение Ваше, если только оно искушения имя заслуживает. Неужели Вы думаете, что рука человеческая, как-либо утаившись от Промысла Божия, могла что-либо

с Вами сделать? Сохрани, Боже, от такой хульной и нечестивой мысли! Сего ради св. Петр Дамаскин противящихся находящим против воли искушениям называет богоборцами, от чего да сохранит нас Господь. Если спросит кто от здравомыслящих, от кого пришла начальству мысль переместить Вас в Оптину? Ответствуйте: от Бога. Самые в России опытные старцы Вам теперь сожительствоуют и могут Вам подать назидательный совет и обильное утешение. Следовательно, кто как не Сам Господь мог Вас поместить к источнику спасения? Но увы! Велика слепота наша! Промысла Божия не усматриваем, и с человеками препираемся, и время драгоценное на покаяние нам данное все изнуряем; сего ради мир и от него прозябающие духовные дарования удаляются от сердца нашего. А смертный час вблизи от нас! – ожидает нас нелицеприятный суд, на коем правды наши – судимы будут. Святые присно зрят делание свое недостаточным, и, как некто из них сказал, вменяют себя не исполнителями, а сквернителями святейших заповедей Господних; сего ради, егда искушение придет, радуются, яко скорбию невольною пополняется недостаточество их деяния, и убеляются их ризы для непостыдного вшествия на брак духовный дверию смерти. Довольно, довольно о земном попеклись, довольно времени утратили, – нынешний день единонадесятый час для приготовления к вечности употребим; ропотливые и хлопотливые гласы наши изменим в гласы благодарения и хваления, яко неведомыми судьбами Господь спасение наше содевает, и малыми скорбями, ниже имя скорби заслуживающими, смиряет нашу выю, и за единое преломление слепотствующей воли нашей и покорность Его всепремудрому Промыслу венчать нас хочет.

Помня, возлюбленный о Господе о. Варлаам, любовь Вашу и простоту, как Вы у нас пребывали в Сергиевой пустыни, сии скудные строки Вам написал в утешение и себе в обличение; глаголю бо и не творю. Примите от меня небольшой подарок на память, который пересылаю Вам через о. Иоанникия.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь навсегда с любовью преданный многогрешный

*Архимандрит Игнатий,
11 февраля 1840*

К батюшке о. Макарию Оптинскому

20 (35). О значении Московского митрополита Филарета в издательской деятельности Оптиной пустыни и других предметах

Ваше Преподобие!

Достопочтеннейший старец о. Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном и поздравление с великим Праздником Праздников, Воскресением Христовым, с которым и я Вас равномерно поздравляю, желая Вам и всей Вашей о Господе братии здравия и спасения.

Приношу Вам благодарность за экземпляр вновь изданной книги Преподобного Феодора Студита. Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященнейший митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, что он желает напечатания книги Преподобного Исаака Сирского. Все монашество обязано благодарностью этому Архипастырю за издание отеческих книг Оптиною пустынею. Другой на месте его никак не решился дать дозволение на такое издание, которое едва ли уже повторится. В свое время книги, изданные Вашею обителию, будут весьма дороги и редки. Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое жительствоует по книгам святых отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицом без сомнения был старец Паисий. Русские же переводы не имеют этого достоинства. Заклучу сии строки покорнейшею моею просьбою к Вам о разрешении Наталии Петровне выслать к нам по 12-и экземпляров Феодора Студита и Симеона Нового Богослова, всего 24 экземпляра с означением цены за них.

Препроводительные при сем записочку и деньги потрудитесь передать Старцу схимонаху Леониду. Поручая себя Вашей отеческой любви и испрашивая Ваших св. молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

*Архимандрит Игнатий,
30 апреля 1853*

21 (34). О напечатании Оптиной пустынью творения святых отцов

Ваше Преподобие!

Достопочтенный и многолюбезный старец отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне недостойном и за присланную книгу. Все Русское монашество обязано особенною благодарностью Оптиной пустыни за издание многих Творений святых отцов перевода старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на Русский язык монашеских отече-

ственных писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братьями Обители Вашей, нежели перевод их людьми чуждыми этой жизни.

Отец архимандрит Моисей благоразумием своим и терпеливым ношением немощей ближнего привлек в недро Обители своей избранное иноческое общество, которому подобного нет во всей России...

Потрудитесь передать мой усердный поклон о. Архимандриту Моисею, о. Игумену Антонию, о. Ювеналию и о. Льву.

20 июля 1855

22 (35). Желание переселиться в Оптину пустынь из Сергиевой обители и другие вопросы

Прошу Ваших св. молитв, чтобы Милосердный Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к Вашему богоспасаемому стаду, если есть на то Его святая воля. Что же касается до меня, то самый ответ и убогое мое суждение убеждают меня постоянно в величайшей пользе и даже необходимости удаления из здешнего шумного места, которое и в нравственном отношении точно село при пути. Все иноческое уничтожается здесь рассеянностью, все посевы стаптываются мимоходящими. Здесь то же на самом деле видно событие изложенных св. Исааком в 75 слове. Вижу справедливость их и на себе и на братии...

Р. С. Здесь в лесах Тихвинского уезда открыт старец, живший в лесу более 50 лет, в великом злострадании, претерпевший биения от бесов, и, как говорил мне некоторый весьма благоговейный инок, украшенный духовными дарованиями.

23 (36). О библиотеке св. отцов

Христос Воскресе!

Ваше Преподобие Преподобнейший и многолюбезный старец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление Ваше в драгоценном для меня письме Вашем от 30-го марта, так как и все письма Ваши для меня драгоценны, и при одном зрении почерка Вашего, прежде чтения самого письма, уже чувствую в грешной душе моей утешение.

Желая, чтоб мысленное серебро – библиотека св. отцов, собранная Голландом, – не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми способными заниматься ею, я рассудил лучше отдать это серебро на руки человеку, нежели приковать его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд в шкаф, и сделаться там пищею моли, мышей, без всякой пользы для людей.

Было время, когда Белые берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша, обиловала ими в свое время Площанская Пустынь; теперь наступило время цвета для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой, – процветут другие места, также на свое время; почему приковать книгу к месту я счел менее надежным, нежели поручить ее человеку. Надеюсь, что о. Ювеналий, попользовавшись ею, и попользуя ею христианство, когда достигнет седины и изнеможения, то поручит ее благонадежному иноку, который опять будет держать в обороте мысленном серебро.

[...]

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим св. молитвам, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Ваш покорный послушник

*Архимандрит Игнатий,
13 апреля 1857*

К рясофорному послушнику Оптиной пустыни о. Петру

24 (37) О достоинстве книги преподобного Георгия

Преподобный отец Петр!

Приятнейшее письмо Ваше и при оном посылку с книгами получил. Премного благодарю за книги. Потому и беспокоил Вас покорнейшею просьбою о доставлении мне несколько экземпляров, что, прочитав присланную Вами книгу, усмотрел духовность ее и пожелал, дабы таковая душеспасительная книга была известна моему дражайшему братству.

Если же Вам угодно знать мое мнение о том, может ли книга писем Святого Затворника получить премию, то Вам говорю мое мнение: не может, имея значительное достоинство духовное, а не имея плотского: ибо письма произнесены благодатию, не имея благоустройства человеческого слова. Слово же благодатное не может быть познано плотским человеком, который зрит только на внешность слова, и если сие внешнее слово не имеет внешнего устройства, то он всему ругается; юродство бо ему есть.

Прилагаемые при сем 50 рублей прошу принять, яко ничтожную лепту для нового издания, – вместо желаемой Вами демидовской премии. Прошу Ваших святых молитв.

7 августа 1839

К афонскому монаху Серафиму

25 (39). О значении наставника в обучении умной молитве и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленный о Господе отец Серафим!

Сердечно благодарю Вас, что Вы на святой Горе Афонской вспоминали о иноках, живущих близ шумной столицы, в монастыре, который тщетно называется Пустынею, о постигших Вас скорбях я узнал отчасти от о. Архимандрита Иоанна, Инспектора здешней Духовной Академии. И кто из преплывающих житейское море не бывает орошен волнами его? Особенно если пловец – безответный инок.

Когда Вы были в Санкт-Петербурге, я сердечно желал видеть Вас наедине: потому что наедине надеялся побеседовать с Вами о глубинах монашеского жительства, вероятно, имеющего достойных делателей еще на горе Афонской, несмотря на общее ослабление, которому подверглось монашество все и повсюду. Но я не сподобился сего: Вас сопровождало общество такого настроения, при котором должно, по наставлению некоторого великого отца, скрывать таинственное монашеское сокровище. Вы молчали, потупя взор, как израильтянин на Реках Вавилонских, а тот, кто сказал, хотя сказал и немного, увидел впоследствии, что сказал излишнее и неуместное. По сей причине, хотя я и имел счастье видеть Вас лицом к лицу, но знаю Вас единственно по прекрасной книге Вашей, и столько, сколько Вы захотели показать себя всей вообще читающей публике. Такое неудовлетворительное сближение с Вами меня огорчило; но я утешил себя мыслию, что Божий Промысл часто не допускает исполниться и таким желаниям нашим, которые по наружности кажутся благими. В заключение этого длинного предисловия, должен я сказать само собою вытекающую истину, известную всем, сколько-нибудь внимательным инокам: причина откровенности о предметах духовных, – доверенность к наставляющему лицу, а доверенность к лицу внушается точным познанием лица. *«Господи! К кому идем, – говорит святой Петр Спасителю, – Глаголы живота вечнаго имаши, и мы веро-вахом и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога Живаго»* (Ин. 6, 68–69). Напротив того: *«Кому не извещается сердце, тому не открывай его»*, – говорит великий наставник иноков, Преподобный Пимен, Египетский Пустынник. Судите ж сами, зная Вас так мало, какую могу я иметь степень доверенности к Вам? Итак, первый мой недуг, который я должен обнажить пред Вами, есть мое маловерие – маловерие не к самой умной молитве, нет! Это таинственное небо, на которое выходят одни чистые сердцем для Богозрения, видится очами ума моего, хотя и пребывает для них невидимым: оно скрывается от них чудною, прозрачною, непостижимою синевою своею, в которой они мнят видеть его. Я страдаю маловерием к Вам. Исцелите меня от этого недуга. Такое исцеление – дело возможное. Многие маловерные обратились в ревностно верующих: всемогущая истина совершила их обращение. И не обидьтесь моим признанием в маловерии к Вам! Лествичник говорит в 4-й степени: *«Имуще о Господе выю свою подклонити разумом убо и словом смиренномудрия, соделаем известно спасение наше иному о Господе вверяти; прежде всхода, убо аще кое лукавство и разум у нас есть, кормчего оногo истязуем и испытаем, и, да тако реку, искусим: да не на корабленника яко кормчия, и на недугующего яко на врача, и на страстного яко на бесстрастна, и на пучину яко на пристанище нападше, готово обрящем себе истопление»*. Если это дозволяется и советуется святыми отцами вновь вступающему в монастырь, то тем более оно позволительно и даже необходимо для укусневшего значительное время в монашестве, к сожалению, крайне малопродуктивном. Опасен недостаточный наставник при обучении новоначального благим нравам и первым правилам монаше-

ского жительство; тем опаснее он для дерзающего слышать учение о великом таинстве умной молитвы, ведущей Христианина к сокровенному, вместе существенному и вполне осязательному соединению с Богом. Имеете ли Вы, возлюбленный отец, в виду опытного старца в обителях святой Горы, на духовный разум которого Вы могли бы положиться? Слово «духовный» употреблено мною здесь не слегка, как оно употребляется в новейших писателях, но в том смысле, как оно употреблялось Святым Апостолом Павлом, а за ним и всеми аскетическими писателями нашей Церкви, из которых Преподобный Григорий Синаит говорит: «Не всех бо есть наставить и инех, но имже дадеся Божественное рассуждение, по Апостолу, рассуждение духов, отлучающее горшее от лучшего мечем слова. Кийждо бо свой разум и рассуждение естественно или деятельно или художественно имать, а не все духовное». (Смотри статьи о прелести, идеже и о иных многих предметах). Хотя мы и крайне омрачены по причине нашего слабого жительство, но признаем и исповедуем, что ни естественное, ни деятельное, ни художественное рассуждение не могут поднять выше чина душевного разума, как бы они не были сильны и блестящи, даже благонамеренны и благочестивы (См. св. Исаака Сирского слова 26, 27, 28-е). Итак имеете ли в виду духовного старца? Вот тот вопрос, который по милостивому дозволению Вашему представляет Вам мои вопросы, считаю начальным и первым из всех вопросов. И святые отцы признают таковым этот вопрос. «Прежде всех, – говорят они, – избери себе старца с совершенным, по священному тайноучению, отречением и повиновением непритворным и совершенным, сиречь потщися обрести наставника и учителя непрелестна» (Каллист и Игнатий гл. 14). Тоже говорят почти все аскетические православные наставники, но большая часть из них жалуется на скудность истинных наставников. В 15-м веке, когда жил наш Преподобный Нил Сорский, посетивший Афонскую гору и заставший там рассадник умных делателей, насажденный Преп. Григорием Синаитом, тогда уже истинный наставник умной молитвы признавался важною редкостью, что ж сказать о нашем времени? Сердца всех привлечены, как и Вы находите и чему пример Вы видели в нашей Пустыни, к внешней красоте; внутренняя духовная красота, а потому филокалия, содержащая учение о приобретении сей красоты, остаются в стороне. Впрочем, некоторые монашествующие у нас в России занимаются умною молитвою, и не без успеха. Таковых случалось мне видеть и беседовать с ними. Случалось видеть – увы! – прельщающихся и прельщенных, совлекаемых с прямого и истинного пути страстями душевными и телесными. Хотя я и должен сознавать себя прельщенным, убеждаясь в таковом бедственном состоянии многими во мне действующими страстями, которым, очевидно для совести моей, работаю явно делами и словами, неявно помышлениями и чувствованиями; однако признаю справедливым опасение впасть, а что еще хуже, самопроизвольно впасть в большую прелесть. Свойственно тому, кто поражен многими болезнями, опасаться впадения в тягчайший недуг! Свойственно тому, кто по шею погряз в болоте, стремиться, чтобы не уйти в него и с головою!

Затем, предложив Вам первый мой вопрос и понуждаемый самым окончанием листа к окончанию письма, прошу Ваших святых молитв на подкрепление многочисленных немощей моих, и – буду ожидать Ваших назидательных строк, которых не лишите Вашего покорнейшего послушника.

*10 июня 1851,
Сергиева Пустынь*

К Игумену Варфоломею

26 (40, 22). О пребывании в Оптиной пустыни

Молитвами Святых отцев наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Дражайшие и почтеннейшие отцы!

Отец Варфоломей и отец Алимпий!

Усердно желаем Вам радоваться и здравствовать о Господе!

Приехав в Оптину пустыню, нетерпеливо хотели писать к Вам, но моя болезнь, увеличенная путешествием, останавливала то, к чему влекло сердечное чувство.

Принятые о. Строителем весьма ласково, мы остались жить в монастыре: к сему побудили нас обстоятельства наши, монастырские и скитские. [...] Михаил Васильевич ходит на клирос; – я, как больной, пристанищем моей надежды должен иметь не труды свои, не заслуги, милосердие и заслуги Богочеловека Иисуса.

Прежде всего описали мы Вам свои обстоятельства, ибо нам представляется, что Вы сопровождаете нас Вашим участием, и мы бы виноваты были пред сим драгим и одолжительным участием, если бы не удовлетворили оно, хотя несколько, описанием наших обстоятельств. Может быть, оно уже пеняло нам с снисхождением и упрекало с любовью, за нашу медлительность...

Иисус уготовал добрым делам сторичные награды, и делающему добро излишни похвалы человеческие: и потому кратким, но искренним благодарением за Вашу любовь, ласки, гостеприимство, удовлетворяя требованиям нашего сердца, оставляем все комплименты, сии наряды, в кои по большей части одевается нечистосердечие, – блудница-лесть.

Наконец, прося Ваших святых молитв (особливо при служении святой Литургии) и благословения, честь имеем пребыть.

Ваши недостойные послушники многогрешные:

*Димитрий Брянчанинов и Михаил Чихачев,
1829 года июня 12-го дня*

Новость. В Александро-Свирском монастыре скончался один монах; его похоронили подле покойного знаменитого о. Феодора, и при сем случае смотрели остатки сего старца. И тело и одежда совершенно истлели, остались одни кости желтого цвета. Рассказывал нам сие о. Гавриил Иеромонах – Скитянин, читавший о сем в письме, пришедшем из Свирского к о. Леониду, и, рассказывая, к словам – желтого цвета, прибавлял: как воск.

27 (42, 14). Автобиографические сведения

Преподобнейший и Возлюбленнейший о Господе отец Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше к большому моему удовольствию получил. Простите меня за мою ленность, по причине которой не отвечал я Вам на последнее письмо Ваше, ко мне в Лопотов монастырь написанное. В сей обители Вологодской местоположение низменное, атмо-

сфера наполнена гнилыми испарениями: – все сие вместе с большим вредом действовало на мое здоровье, при слабом состоянии коего был я до избытка обременен трудами телесными. Прошлого 1833-го года, в мае месяце, был произведен в Игумены. Между тем Государю Императору, коего был я воспитанником, угодно было приказать, чтоб разыскали и уведомили Его, где я нахожусь. В то время указом Святейшего Синода был я переведен в Московский Николаевский Угрешский монастырь. Государь Император повелел митрополиту вытребовать в С.-Петербург и потом дал мне Сергиевскую Пустыню, в которой нахожусь и поныне. При мне живет о. Михаил, и правит должность Головщика на правом крылосе. Здоровье моего тела в здешней обители немного поправилось; видно еще Господь дает мне время на покаяние.

Затем простите, почтеннейший отец Варфоломей; поздравляю Вас с наступающими праздниками, прошу святых молитв и честь имею быть Вашим покорнейшим слугою и молитвенником

*Архимандрит Игнатий,
17 апреля 1834*

28 (43, 15). О монастырях российских

[...]

Высокопреосвященнейший Филарет полагает, что столп нашей Православной веры есть монашество, а столп монашества суть общежительные монастыри. Но общежития севера, где наиболее похваляется телесный труд стоят ниже по благоустройству своему общежитий южной России, где при телесном труде особенное внимание обращается на очищение души и благоуправление ее частым исповеданием помыслов и сердечных браней, частым советом с искусным исследованием писаний отеческих, – и, наконец, множеством Божественного славословия.

Южская пустынь есть один из лучших общежительных монастырей Российского Севера, – если не наилучший. [...]

29 (47, 20). Описание обустройства в Сергиевой пустыни

Ваше Преподобие! Возлюбленнейший о Господе отец Строитель Варфоломей!

Батюшка дражайший! Приехали Вы не на чужом, видно, основании здать! И не чужими трудами питаться, а свои положить. И я, когда приехал в Сергиеву Пустыню, то не имел где главу приклонить, должен был остановиться в постороннем доме и в нем жить первую зиму. Начиная с Соборной Церкви, все представляло одни развалины. А с братией ее пришлось не только слезы, но и кровь пролить. Что уж делать? Такова судьба настоятелей. И от Епархиального Начальства сперва досталось так, что запрещен был выезд из монастыря мне самому. А как то, что без скорби сделаешь, то непрочное бывает, – и что посеешь, да слезами не польешь, то худо всходит. Простите, батюшка, моему пустословию. От избытка сердца и участия моего сие Вам сказал.

Усерднейшую приношу благодарность за присланную икону, прошу Ваших святых молитв, и с искреннейшею преданностью имею честь быть Ваш покорный послушник

*Архимандрит Игнатий,
14 октября 1837,
Сергиева Пустынь*

**30 (55, 28). О наказании архимандрита
Игнатия и смиренном несении его**

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе отец Варфоломей!

Воистину воскрес Христос!

[...] Был воспрещен мне выезд из монастыря, но по причине совсем другой, нежели о коей Вы пишете. Это за знакомство мое с посланником Короля Французского, что Государь Император нашел неприличным и достойным наказания, и к чему я принужден был насильственно Синодальным чиновником. Сие последнее обстоятельство Государю неизвестно, и я не нахожу нужным приводить в известность. [...] Наконец, – о нерасположении ко мне Синодального Обер-Прокурора я ничего не могу сказать решительного. Принимает и поныне очень ласково, сам обещался ко мне приехать. Расположение же Государя Императора из последнего даже обстоятельства обнаружилось в полной силе. И мне остается только благодарить Господа Бога за все случившееся – видеть Его Божественный Промысл, бдящий о спасении души моей и сими малыми искушениями воспитывающий и окормляющий мое младенчество. Горе, егда Вам рекут добре все человецы – это опасно; а потерпеть маленькое поношение весьма спасительно. И потому стараемся предаваться воле Божией с благодарением, а погрешности свои при Всевышней помощи усердствуем по силе исправить.

Прося Ваших святых молитв, имею честь быть навсегда с искреннейшею моею преданностью Ваш покорнейший послушник

*Архимандрит Игнатий,
17 мая 1840*

31 (57, 30). О своих занятиях по переводу книги св. Ис.

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Строитель Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше от 16-го ноября получил, и сердечно благодарю за братское и отеческое расположение Ваше ко мне. Надеюсь, что милость Божия дарует мне соответствовать оному. Сия Божия милость покрывает и меня, и обитель нашу доселе; хотя от времени до времени и подвергаюсь телесным недугам, а в душевных пребываю постоянно. В настоящее время занимаюсь переводом с латинского языка книги св. Ис. отшельника Скитского, и весьма услаждаюсь духовно-благодатными изречениями сего Святого отца. Аще Господь восхощет, намереваюсь оную напечатать, ибо на славянском и русском языках не случилось мне оной видеть, – а польза ее должна быть необыкновенная. Преплачевный отец! Он современен Мака-

рию Египетскому. Св. Исаак Сирий и Авва Дорофей на него ссылаются; есть на него ссылка и в книге великого Варсанофия. Может быть в Вашей библиотеке имеется сия книга; в таком случае прошу уведомить, и написать сколько именно в ней слов или бесед и под какими заглавиями. Также надеюсь получить книгу Св. Кассиана Римлянина на латинском же языке, на коем он писал, и если благоволит Господь, то заняться и ее переводом.

В обители отстроился окончательно корпус братских келий, чем братия очень успокоены. [...]

[...] Затем, – желая Вам доброго здоровья и всех благ, также прося Ваших святых молитв, с искреннейшей преданностью, имею честь быть навсегда Ваш покорнейший послушник

*Архимандрит Игнатий,
30 ноября*

32 (60, 30). О правильном пророчестве – прозрении на грехи

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленный о Господе отец Варфоломей!

[...]

Получил я из Оптины письмо скорбное, о кончине отца Леонида. Писали оное о. Макарий и Иоанникий. Некоторые мирские получили от других письмо, исполненное повествованиями о пророчествах. Мы желаем себе и всем ищущим истины, прозрения на грехи наши, – пророчества, что хотя сколько-нибудь вознерадим или вознесемся, то впадаем в руки страстей и удаляемся от Бога. Таковое прозорливство и пророчество могут нам принести существенную пользу.

...Проя Ваших святых молитв с обычной братской любовью, остаюсь навсегда Ваш покорнейший слуга и богомолец

*Архимандрит Игнатий,
22 декабря 1841*

33 (63, 36). Увещание о. Варфоломея приехать в столицу, осуждение непокорности Всевышнему Промыслу и своеволия

**Ваше Высокопреподобие! Возлюбленный
о Господе отец Строитель Варфоломей!**

Письмо Ваше от 18-го февраля я получил. Будучи крайне недоволен Вашим отказом на мое приглашение, паче же не на мое точию, но на приглашение Высокопреосвященного митрополита посредством меня, – начинаю с Вами браниться. Благоволите выслушать с благодушием и утешьте исправлением Вашей погрешности. Что Вы хвалитесь неупустительностью в послушании, возложенном на Вас Св. Синодом? Суетна похвала сия, когда Вы не

внемлете гласу призыва, приводя пустые отговорки. *Начный в Вас дело благое, и да совершит е*, сказал Апостол. И Вам надо совершить послушание Ваше; а без доброго конца доброе начало не может принести никакого плода. Неужели Промысл Божий, приведший Вас в Югскую Пустынь, уже престал бдеть над Вами? Неужели Вы так думаете? Не предположив в Вас сих мыслей маловерия, чем объяснить Вашу шаткость, Ваше двоедушие? И едете, и не едете; взяли паспорт, и ни с места! На что это походит? Таковая коловратность, таковое непостоянство простительно новонаначальному, в Авве же отнюдь не простительна! Вижу! Вы испугались; Вы подозреваете, не повстречается ли Вам по приезде какое перемещение. Ваше тело возопило: не ездите, мне здесь тепленько и мягонько, а то, пожалуй, они сунут тебя туда, где я замучусь от климата; да и над Алимпием сжался: он здесь воскрес, а в другом месте могут к нему возвратиться прежние болезни. Так Вам советовало Ваше тело, а Вы его и послушались. Зело бо сильны ласкания тела, сказал Св. Исаак. Вы в послушании у Вашего тела, а не у Синода. Как хвалитесь, думая меня, как глупого, обморочить. Кроме того, что Вы маловерием Вашим погрешаете пред Промыслом, еще впадаете и в другую немаловажную погрешность. Как судить о мнении Вашем относительно Преосвященного митрополита? Значит – опасаясь ему доверить себя, Вы в нем не предполагаете ни любви, ни рассуждения духовного! Словом сказать – с какой стороны ни посмотрю на Ваш поступок, нахожу оный решительно безрассудным.

Итак, исправьтесь! Отложив все хохлацкое упрямство, еще же и мудрование с злохитростию, скорее приезжайте, возвергнув на Господа печаль твою, и Той тя препитает. Советую и митрополита не прогневать: ибо ныне вакансий настоятельских много, и ему стоит только предложить в Синоде, тотчас полетит Указ и дерзостный ослушник, по своему токмо мнению послушник, полетит с Юга на Север оплакивать свое самонравие и непокорство. Сим кончаю мою брань, к которой бы не хотелось прибегать, да нечего делать, когда честь неймет.

Помирюсь с Вами при личном свидании! И бранюсь, а все-таки остаюсь Ваш усерднейший слуга и собрат

*Архимандрит Игнатий,
6 марта*

34 (66, 39). О возобновлении Святогорской Пустыни и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Игумен!

Усерднейше поздравляю Вас с получением Игуменского сана, в котором Милосердный Господь да поможет Вам служить святой Церкви с таковым же успехом, с каковым Вы преходили служение Ваше доселе, или и с большим. Что не писал я к Вам, то это потому, что уверен в Вашей любви ко мне о Господе, а особенной причины писать не повстречалось. Потом я стал ныне крайне слаб глазами, что приписываю действию здешнего приморского воздуха.

Как о приятной для всего монашества новости, извещаю Вас о следующем: конечно, известно Вам, что Императрицею Екатериною уничтожен монастырь Святогорский, что в Харьковской губернии на реке северном Донце, имеющий превосходнейшее местоположение – самое пустынное. Императрица, упразднила обитель, отдала сие место известному вельможе Графу Потемкину. Года с два тому назад имение сие досталось его внуку, женатому на Кня-

гине Голицыной. Оба они крайне добросердечны и привержены к святой Церкви, особливо она; отказавшись от всех светских увеселений, занимается обильным подаванием милостыни, упражняясь в чтении святых отцов и молитве: ее глаза, как два неиссякающие источника слез. Сей чете Господь внушил восстановить монастырь, и она, испросив словесно дозволение у Государя, подала о сем просьбу в Святейший Синод, с тем, чтобы учреждена была общежительная пустыня по уставу Софрониевскому и Глинскому.

Относительно общежития в нашей обители, то я говорил о сем нашему новому митрополиту, который, хотя и крайне расположен к нашей обители, но не изъявил на сие согласия. Наше место крайне трудно; монастырь совершенно сквозной; в летнее время в соседство наше переселяется знаменитейшая публика петербургская. Невольно рождается заботливость, приводящая в развлечение. И хорошо бы, если б неудобства сим оканчивались!

Засим желаю Вам доброго здравия и всех истинных благ. В моем расположении к Вам пребываю по милости Божией постоянным, и у Вас прошу того же. Поручая себя Вашим Святым молитвам, имею честь быть навсегда Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником и собратом

*Архимандрит Игнатий,
29 октября 1843*

35 (80, 53). По поводу указа Синода об увольнении о. Варфоломея, совет прибыть в Синод для личного объяснения и о благодушном перенесении скорбей

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец игумен Варфоломей!

Письмо Ваше от 12-го ноября я получил. Судьбы Божии бездна многа, и истинно то, что кого Господь любит, того наказует. Я, дорогой Батюшка мой, с благоговением взираю на постигшее Вас искушение и молю Бога, да дарует Вам силы перенести его по подражанию Святым, которые наследовали царство небесное многими скорбями. Хотя, по-видимому, и постигла Вас скорбь от человека, но по сущности она попущена Богом для Вашего усовершения. Я умиляюсь, смотря умными очами на скорбь Вашу и думаю сам в себе: «Каково-то я понесу искушение, если Господу Богу угодно будет послать мне оное? и какое Господь пошлет мне искушение?» – Так помышляя, соболезную о Вас. Я полагал, что Вы уже получили Указ о увольнении Вас, и потому написал Вам, что самые обстоятельства отвечают. Прошедшего не воротишь, но Вы бы сделали гораздо лучше, если б пожаловали сами в С.-Петербург и объяснили пред Членами Святейшего Синода и пред Графом Протасовым Ваше болезненное состояние. Члены Святейшего Синода – все очень добрые Старцы, и Граф Протасов имеет самое доброе сердце:

Вы бы могли у них все испросить. Но что делать! Прошлого* не воротишь. Это устроилось свыше, тут рука Божия, а люди только оружие. Причину сего события надо искать в Божием Промысле о Вас; там она сокровенна. Без скорбей невозможно увенчаться венцом Евангельским. Я вполне убежден, что Вы благодушествуете и преданием себя воле Божией и благодарением Богу стираете главу змею печали, ищущему поглотить Вас.

Слава Богу за все! Слава Богу, – горькими врачевствами исцелившему души, прибежные к Нему, Всесильному Врачу. Испрашивающий Ваших святых молитв. Ваш недостойный послушник

*Архимандрит Игнатий,
1 декабря 1852*

36 (81, 54). Утешение в скорби и наставление к покаянию перед людьми

Ваше Высокопреподобие!

Всечестнейший отец Игумен Варфоломей!

[...] Во-первых, Слава Богу за все скорбное, случающееся с нами! Кому попускаются скорби, тот, значит, помянут Богом в Царствии Его; а кто живет бесскорбно, тот забвен Богом. И, Батюшка мой, по множеству грехов, в которые впадаю, и по множеству глупостей, которые делаю, никак не должен ни судить поступков ближнего, ни настаивать, чтоб сделано было так, как я предлагаю. Мне Алексей Николаевич сказывал, что Вы, по получении решения Святейшего Синода, увидели, что и Вам следовало бы поступить иначе, нежели, как Вы поступили. Вам следовало пожаловать сюда и с покорностью испросить желаемое Вами у Святейшего Синода, который по уважению к Вам сделал бы все приятное для Вас, согласив возлагаемое на Вас послушание с Вашими нуждами. Но что Вы сделали? Вы соблазнили тех, которые ожидали Вас увидеть с назиданием для себя, с пользою для всего монашества. Особенно мне жаль Графа Протасова, который принял в Вас самое живое участие: он – лицо светское, имеющее на монашество и на всю Церковь Русскую особенное влияние; его надо очень беречь, – а в этом случае Вы не поберегли его, т. е. не поберегли самой души его. – Вы меня простите, Батюшка мой, что я пишу к Вам так прямо: это делаю не в укоризну Вам, а чтоб Вы изволили увидеть настоящее положение дела. – Как же Вам теперь поступить? Мой искренний совет: напишите извинительное письмо к Графу; он добрейший человек и ему приятно будет видеть Ваше иноческое смирение в письме.

...Земно Вам кланяясь, имею честь пребыть с обычною моею к Вам преданностью Вашего Высокопреподобия недостойный послушник

*Архимандрит Игнатий,
6 декабря 1842*

37 (92, 65). О своем пребывании в Оптине, о старце Макарии

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец Игумен Варфоломей!

Примите мою искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне в день моего Ангела, за поздравление с Праздниками и наступающим Новым Годом. Равномерно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ, а между ними поправление Вашего драгоценнейшего здоровья.

По усилившейся болезненности моей я бываю редко в Петербурге. У Преосвященного Нила был однажды, но не застал его дома; он в Сергиевой Пустыни не бывал; встретился с ним однажды у Синодального Обер-Прокурора.

[...]

Сею весной провел я четыре недели в Оптиной пустыни. Спасет Бог отца Макария! Им живут и дышат братия и посетители! Обитель по внешнему своему устройству сделалась весьма открытой, лес очищен, посетителей множество. Тамошний серный ключ принес мне значительную пользу. Книги Великого Варсонофия и Аввы Дорофея переведены на русский язык весьма удачно. Спасет Бог и за такие общепользные труды трудящихся отцев и братий!

О. Михаил и прочие братия свидетельствуют Вам глубочайшее почтение и просят Ваших святых молитв.

Испрашивая их о себе, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

*Архимандрит Игнатий,
27 декабря 1856*

38 (96, 69). Сообщение об увольнении на покой и приглашение приехать в Бабаевский монастырь

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец Игумен Варфоломей!

Бог, по неизреченной Своей милости и человеколюбию, даровал мне тихий приют для окончания в нем земного странствования моего во внимании себе и в покаянии. Вследствие моего всеподданнейшего письма к Государю я уволен от управления Епархией, и мне представлен в управление Бабаевский монастырь.

[...]

Призываю на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

*Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский,
22 августа 1861*

К Антонию, игумену Черемнецкому⁷

39 (100, 3). О немощах духовника, осторожности при распознавании людей и совет не уходить из епархии

Преподобнейший отец Антоний!

Письмо Ваше, от 24-го августа, я имел удовольствие получить. Я вполне сочувствую законоположению святой Церкви, по которому священник не может принимать на исповедь без соизволения на то епархиального архиерея, по которому, следовательно, иеромонах Гавриил, без разрешения Высокопреосвященнейшего митрополита, не мог бы принять на дух кого-либо из братии; также если б я вздумал уполномочить Гавриила на духовничество от себя, то это, с моей стороны, было бы непозволительным и противозаконным самовольством. По этим уважительным причинам я вошел ко Владыке с представлением, что некоторые из Никольской братии желают иметь своим духовником иеромонаха Гавриила; на представлении моем последовала резолюция и, на основании оной, Консисторский Указ, дозволяющие желающим желаемое. Что ж касается до немощи о. Гавриила, то Вам известно, что немощь священника, как человека, отнюдь не препятствует совершению Таинств, совершающихся по причине благодати священства, которою облечен человек, а не по причине собственных его достоинств, хотя и приятно видеть в одном лице соединение достоинств собственных с дарами благодати. Относительно Владимира и других братьев, состоящих под моим влиянием, я, несколько наученный 23-летним настоятельством моим, не спешу увлекаться направлением братии, особливо молодых, как к добру, так и ко злу. То и другое из направлений легко изменяются; чтоб упрочилось то, или другое, надо время и время, а потому в человека надо вглядываться и вглядываться, а потом уже составлять о нем решительное мнение. Особливо в наш век, при усилении соблазнов, надо очень поддерживать людей: и без того у нас в монастырях людей несколько способных очень мало, не говорю уже о вполне благонадежных; это величайшая редкость в самых благоустроеннейших монастырях. Наконец относительно Вас самих скажу: Владыке гораздо приятнее будет, если Вы останетесь в его Епархии; если ж Вы захотите перейти, то он отпустит Вас с любовью. Вам известно из писаний святых отцов, что и многосочные древа, часто пересаживаемые, теряют от пересадки свою силу, а сидящие в грунте постоянно и переносимые терпеливо ветры глубоко пускают в землю свои корни.

Испрашивающий Ваших святых молитв недостойный

*Архимандрит Игнатий,
28-го августа*

⁷ Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при московском университете. Книга II, М.: 1875. С. 63–102.

40 (102, 6). Совет руководствоваться при управлении братством второй половиной книги Великого Варсонофия

Возлюбленнейший о Господе, отец Игумен Антоний!

Поздравляю Вас с предстоящей Святой Пасхой, с возведением в сан игумена, и благодарю за уведомление о себе.

Проясняя Св. Синод о назначении Вас в настоятеля Черноморской пустыни, я имел в виду доставить этой обители такого Настоятеля, в каком она нуждалась, а близлежащему женскому монастырю Благочинного и старца. [...] Исполнилось последнее из моих предположений, и я радуюсь, благодарю Бога и желаю Вам приносить овцам Христовым душевную пользу. Полагаю, что по нынешнему времени, при управлении братством, в духовно-нравственном отношении всего полезнее руководствоваться второю половиною книги великого Варсонофия, начиная с ответов Авве Дорофею. По крайней мере так я понял из моих скудных опытов.

Сердечно радуюсь, что труженицы Августа и Елисавета нашли в Вас единомудренного сочувствующего им сподвижника. Бог да благословит Ваш духовный союз во славу Святого имени Своего и в пользу чающих услышать слово Божие и при руководстве его спасти души свои от нравственной смерти, которая постигнет всех, лишенных истинной помощи – слова Божия.

Прозящий Ваших святых молитв Ваш покорнейший слуга

*Игнатий, епископ Черноморский,
18 апреля 1861*

41 (103, 7). Об умножении соблазнов и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Игумен Антоний!

...Сердечно радуюсь, что Бог привел меня быть орудием к предоставлению Вам Настоятельского сана и служения в месте уединенном, соответствующем Вашему настроению, Господь попечется о Черноморской пустыни. [...]

[...] Вы поняли, что Бог открыл Вам на поприще Богом установленного монашеского подвига, который отъемлется с лица земли по неисповедимым судьбам Божиим, пред которыми надо нам благоговеть и безмолвствовать. На все свое время. Спасение и разные способы его были даром Божиим человечеству, а отнюдь не собственным изобретением человечества.

Предоставьте сына Вашего Богу, молясь о нем, и в молитве Вашей отдавая его Богу и поручая милости Божией, Богу все возможно. В молодость мою и Вашу было много соблазнов для юности, а ныне соблазны до бесконечности умножились, увлечение ими сделалось почти всеобщее, а сопротивления им почти не видно; по этой причине современная юность меньше подвержена осуждению и заслуживает большее сожаление и снисхождение. Весь мир как бы единодушно устремился на встречу какого-то особенного лица, гения, на встречу великолепную, торжественную. Это очевидно. Лицо так будет замаскировано, что масса признает его

Мессию: что же дивного, если пророки его явились в образах пророков Мессии. Предуготовляется путь, путь мысленный для входа действию лести (см. 2 Сол. 2, 11) в умы и сердца.

Прошу Ваших святых молитв. Не оставляйте Ладожских стариц, находящихся в любви Вашей отраду в сиротстве своем и отдающих Вам полную цену.

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский,

18 мая 1861

42 (104, 9). Сообщение о подаче прошения об увольнении на покой и причины, побудившие к этому

Возлюбленный о Господе, отец игумен Антоний!

Благодарю Вас за письмо Ваше от 11 июля.

К сообщенным Вами новостям присовокупляю нижеследующую.

Видя, с одной стороны, что я направлением моим разобщился с общим направлением, а с другой, находя совершенную необходимость употребить остаток моей земной жизни на тщательное приуготовление к вечности, я подал, от 24-го июля, прошение о увольнении меня от управления епархией и о предоставлении мне в управление Николаевского Бабаевского монастыря Костромской губернии, на Волге; прошение мое я подкрепил письмами. По ходу обстоятельств можно надеяться, что не откажут.

Полагаю, что избранное мною положение есть наиудобнейшее по характеру нашего времени, в которое надо предпочесть некоторое попечение совершенному беспопечению, столько способствующему внимать себе, чтоб сохранить независимость от лиц иного направления. Когда я послал прошение, то ощутил в душе особенные мир и радость. Потрудитесь передать о начинании моем старицам. Прошу Ваших святых молитв и их молитв, чтобы начатое дело устроилось в пользу души моей, во славу Божию и по воле Божией.

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский,

31-го июля

43 (105, 10). О трудностях для человека, живущего по учению св. отцов, прийти к мирскому преуспеянию и сообщение о получении желанной отставки

Возлюбленный о Господе, отец игумен Антоний!

Благодарю Вас за доброе и умное письмо Ваше, от 13-го августа. Вы смотрите на современность точно так, как и я смотрю на нее. К добродетелям и преуспеянию нашего времени очень трудно пристать человеку, сформировавшему свой образ мыслей по учению св. отцов Православной Церкви.

21-го Августа я получил уведомление, от 6-го августа, от Синодального обер-прокурора, что мое желание удовлетворено... Милостию Божиею мне даруется место самое удобное и по

уединению и по многим другим отношениям. Должен благодарить Бога за неизреченные Его благодеяния, излитые на меня с самого детства моего.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

*Епископ Игнатий,
28 августа 1861*

44 (106, 11). Мысли о Наполеоне III

Возлюбленнейший о Господе, отец игумен Антоний!

Вы очень справедливо говорите, что настоящее мое положение есть самое благопотребное для меня. Я признаю его даром милосердного Бога, скрывшего меня в тайне лица Своего от мятежа человеческого, покрывшего меня в крове от пререкания язык (Пс. 30, 21). Особенные милости Божии изливаются во граде ограждения. Для мира это непонятно.

О Наполеоне III многие основательные люди рассуждают так, как рассуждаете Вы. Но предопределений Промысла Божия о России не изменит Наполеон III, как не изменил их Наполеон I. Св. отцы Православной Церкви (напр., св. Андрей Критский в толковании на Апокалипсис, гл. 20), предсказывают России необыкновенное гражданское развитие и могущество. Это чувствуют и иностранцы. Недавно один Английский государственный человек, в собрании, в котором рассуждали, что бы предпринять против Русских, воскликнул: «Оставьте в покое этот народ, над которым особенная рука Судьбы, который, после каждого потрясения, способного, по-видимому, погубить его, делается сильнее и сильнее». После Севастопольской катастрофы, стоившей России 250 тысяч народа убитыми, в ней прибыло народонаселения более 6 миллионов. Эти миллионы разместились во все дома, между тем как Франция и Англия свои избытки должны постоянно выселять. Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль предвещает их и ясно обнаруживает, что народ может и должен сделаться орудием гения из гениев, который наконец осуществит мысль о всемирной монархии, о исполнении которой уже многие пытались. Святое Евангелие следующими чертами изображает воззрение Господа на современный ему народ Иудейский: «*Видев же народы, милосердова о них, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы не имущия пастыря*» (Мф. 9, 36).

Если бы слышали это тогдашние духовники Иудейские, напыщенные ученостию своею и самым отчетливым знанием Закона, самым тщательным преподаванием его народу, что сказали бы они? Клевета, клевета, – воскликнули бы они в один голос. Так заставила бы их выразиться слепота их.

Если Наполеон вычистит помойную яму, в которую стягивается все лучшее из страны и извергается за границу, и все скверное из-за границы и рассыпается на страну, – не велика беда!

Прошу Ваших святых молитв, да сосредоточу зрение мое на мертвецем моем. Благословение Божие да почует над Вами.

Ваш покорнейший слуга

*епископ Игнатий,
26 октября 1861*

45 (107, 13). О различных направлениях в монашестве, – телесном и духовном подвигах

Возлюбленный о Господе, отец игумен Антоний!

Поздравляю Вас с наступившими праздниками и наступающим Новым Годом, и искренно благодарю Вас за участие, которое Вы приняли в старицах. По сей же почте пишу к Графу, не упоминая Вашего имени, и прося дать Августе настоятельское место с выводом из Ладожского монастыря. Я писал уже давно Потемкиной, чтоб она приняла участие в положении Ладожского монастыря. Но пред митрополитом, к сожалению, ходатайство мое не имеет места. Обо всем этом я умолчал в письмах моих к старицам, опасаясь дамского язычка, которому легко сделать вред и себе и ближним.

Я не виню ни стариц, ни игумению. Обе стороны действуют в своем направлении. Я видел столкновение разнородных направлений монашеских в Валаамском монастыре, куда был сделан игуменом из Новоезерского монастыря Вениамин, человек, не пивший вина, ходивший к службам и в трапезу неупустительно. Эти достоинства не имели цены пред Валаамцами, которые требовали от Вениамина недостававших ему монашеских познаний и начитанности, которые в нем видели мирянина, а не монаха. В 1829 году, при жизни старца Феофана, я приехал в Новоезерск, пожив в Оптиной и Площанской:

Мне показались Новоезерские монахи мирянами, несмотря на отличное благоустройство монастыря и порядок богослужения, который, однако, ниже Площанского и Белобережского. Я спросил монахов: ходят ли они к старцу для совета и откровения помыслов. Отвечали: «Никто не ходит, за исключением Комаровского, а обращаются к старцу за советом преимущественно Горицкие монахини и в большом количестве миряне». Беседовал я несколько раз со старцем: он прямо отвергал душевное делание, как очень удобное к переходу в прелесть, и высказал очень малую начитанность. Проводил он жизнь постную, к службам ходил неупустительно, вставал до утрени за час, и вычитывал в келии правило; сложения был атлетического, росту малого. Сообразно собственному направлению он руководил и других: как Новоезерское братство, так и Горицкие чужды духовного делания, все их внимание устремлено на благовидность наружного поведения и на телесный подвиг. Известно, что таким жительством вводится в душу самомнение и развиваются душевные страсти, которых телесный делатель и заметить в себе не может и даже не подозревает присутствия их. Ему нельзя избежать самомнения, ему нельзя не видеть своего благовидного поведения и своих подвигов и наружных дел. Но мытарь, грешный и не знающий за собою ничего кроме грехов, заслуживший осуждение человеков, оправдан пред Богом за то, что от сознания говорил в себе: Боже и проч., а фарисей не удостоился такой милости Божией. Эту милость да дарует Бог всем рабам Своим, работающим Ему и телесным, и душевным подвигом. Только без душевного подвига к разуму Божию приближаться невозможно, сказал св. Исаак. Все человеки немощны: почему невозможно не проявляться немощам и в тех, которые занимаются душевным подвигом. Не следует же казнить за эти немощи, как постоянно стремятся к тому праведники, что видим уже и из Евангелия.

Прозящий Ваших св. молитв недостойный

*епископ Игнатий,
28 декабря 1861*

46 (108, 14). О молитве трех отроков в пещи Вавилонской, о «сеятве плевелов», о своем здоровье

Ваше Высокопреподобие!

Высокопреподобнейший отец игумен Антоний!

С некоторого времени я начал часто обращаться воспоминанием к молитве святых трех Отроков в пещи Вавилонской: согрешихом, беззаконовахом и проч. Какое превосходное в этой молитве исповедование своей греховности: и частной и общественной! Какое оправдание попущения Божия и благоговение пред ним! Какой верный взгляд на современников! Точно: утешение христианина заключается в истинном духовном разуме, находящемся в тесном союзе с верою и смирением, которым плотский и душевный разум противен. Судьбы Божии привели меня быть свидетелем одной из горестных сеятов плевелов, враждебных Церкви. Эта сеятва называлась громким именем Православия, подобно тому, как и другие многие подобные действия уже облекались и прикрывались великолепными наименованиями христианских добродетелей. Тогда сеятва приводила меня в ужас; я предчувствовал, что последствия должны быть ужасны.

Искренно желаю Вам, чтоб новое место послужило для Вас спокойным приютом, удобным к возделанию спасения. Черемнецкий монастырь беднее Введенского, но климат в первом гораздо здоровее второго. Моим приютом я очень доволен, но здоровье мое расстроено в высшей степени. Время сойти с земного поприща, но неоплаканные грехи приводят к желанию побыть еще в юдоли душеполезных страданий и плача, чтоб избежать плача и страданий бесполезных и вечных.

[...]

Поручаю себя Вашим святым молитвам и любви о Господе. Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугой

*Епископ Игнатий,
27 июня 1862*

47 (109, 16). О своем настроении, о соблазнах и свободной воле человека

Возлюбленнейший о Господе, отец игумен Антоний!

Благодарю Вас за письмо Ваше от 15 июля. На первые строки его скажу Вам в ответ, что постепенно приближаясь к исходу из гостиницы земли, постепенно теряю сочувствие к временной расстановке в ней человеков, и стремлюсь соединиться духом воедино со всею о Христе братиею. Думаю, что ныне я сблизился с Вами более, нежели когда-либо.

Милость Божия даровала мне тихий, весьма удобный приют, соответствующий и потребности душевного настроения и потребности крайне расстроенного здоровья. Бабаевский монастырь гораздо уединеннее и Коневца и Валаама. Безмолвие начинает действовать на меня благотворно, отвлекая очи ума от зрения на деющееся в мире и направляя их к созерцанию своей греховности и предстоящего суда Божия. Все совершающееся совершается под недремлющими

взорами Всеблагого и Всемогущего Бога: одно по воле Божией, другое по попущению Божию. *«Горе миру от соблазнов, – сказал Спаситель, – но подобает прийти соблазнам»*, предрек Спаситель же. Попущение соблазнов, как логическое следствие употребления произвольного человеками их свободы и воли и как казнь сама собою вытекающая из злоупотребления воли (так как Богом и дана свобода воле, и вместе дан закон, как употреблять ее), должно созерцать с благоговением, покорностью, исповеданием своей греховности и правосудия Божия. Очень наставительна молитва святых трех Отроков в пещи Вавилонской. Да совершается воля Божия! Да дарует милосердный Господь спасение немощным, от нихже первый есмь аз, которые имеют какое-либо произволение, хотя и самое немощное, спастись. Если узнаете о Церкви, не откажитесь известить: я ни с кем переписки не имею о сем предмете, да и не всему и не всем можно доверять.

Может быть и сами Вы когда-либо захотите посетить и старинного Вашего знакомого. Я с особенной приятностью увидел бы Вас в обители Святителя Николая Бабаевской.

Прозящий Ваших св. молитв недостойный

*Епископ Игнатий,
22 июля 1862*

48 (110, 17). Характеристика монашества времени епископа Игнатия

Ваше Высокопреподобие!

Высокопреподобнейший отец игумен!

[...]

Мнение Ваше о монастырях вполне разделяю. Положение их подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода: она съест этот снег при первой вспомогательной атмосферической перемене. Важная примета кончины монашества – повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностью напоказ. Весьма часто актерскою наружностью маскируется страшная безнравственность. Истинным монахам нет житья в монастырях от монахов актеров. За такое жительство, чуждое внутреннего делания, сего единого средства к общению с Богом, человеки делаются непотребными для Бога, как Бог объявил допотопным прогрессистам. Однако, Он даровал им 120 лет на покаяние.

[...]

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уваженья, имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

*Епископ Игнатий,
3 января 1863*

49 (111, 18). О нравственной трудности в своей жизни, мнение о монастырях, оптинском старце Макарии и о духе того времени

Ваше Высокопреподобие!

Высокопреподобнейший отец игумен!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне, Вам 61 год, а мне 57. Лета бы небольшие, но я уже оканчиваю жизнь мою, потому что «зли быша дни мои», – по выражению патриарха Иакова. Здоровье у меня от природы слабое; трудностями жизни оно сокрушено. Величайшая трудность была нравственная: в новоначалии моем я не мог найти монаха, который был бы живым изображением аскетического учения отцов Православной Церкви. Желание последовать этому направлению, по причине сознания правильности его, поставило меня в положение оппозиционное по отношению ко всем и ввело меня в борьбу, из которой перстом Божиим, единственно перстом Божиим, я выведен в Бабаевское уединение, если только выведен. И на отшедшего, как видите, поднимают голос, и поднимают его по той же причине – по причине уклонения от учения святой Церкви и принятия понятий противных, даже враждебных этому учению.

Относительно монастырей, я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе. Вам известен отеческий путь, состоящий в духовном подвиге, основанном на телесном подвиге в разуме. Опять Вам известно монашество русское: укажите на людей, проходящих этот подвиг правильно. Их нет. Существует по некоторым монастырям телесный подвиг, и то более на показ людям. О. Макарий Оптинский решительно отвергал умное делание, называя его причиною прелести, и преподавал одно телесное исполнение заповедей. Св. Исаак Сирский говорит, что телесное делание без душевного – сосцы сухие и ложесна бесплодны; это видно на воспитанниках Оптиной Пустыни. Но о. Макарий в наше время был лучшим наставником монашества, действовал по своим понятиям, с целью угождения Богу и пользы ближним, при значительном самоотвержении. Если бы, как Вы говорите, и решились восстановить монашество, то нет орудий для восстановления, нет монахов, а актер ничего не сделает. Дух времени таков, что скорее должно ожидать окончательных ударов, а не восстановления. «Спасай, да спасает свою душу», сказали святые отцы.

О моем уклонении от общественного служения не жалейте и не думайте, что я мог бы в нем принести какую-либо пользу. По духу моему, я решительно чужд духа времени, и был бы в тягость другим. И теперь терпят меня милостиво единственно потому, что нахожусь в дали и глуши. [...]

Спаси Вас, Господи, за любовь и внимание, которое Вы оказываете монахине Марии Шаховой. И на ней можно видеть, как направление, по учению святых отцов, в наше время нетерпимо. Не терпят его от того, что чужды ему, не знают его, не изучали его, нисколько не занялись им. Говорят, что ныне в книжных лавках обеих столиц вовсе прекратили расход на духовные книги, или он так мал, что можно признать его прекратившимся. Все, что сказано в Писании, подобает быть.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения, имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий,

4 февраля

Р. С. Очень верно изобразил первомученик Стефан болезнь своих современников (см. Деян. 7, 51). Ненависть к Святому Духу является от принятия противного духа, который может вкрасться неприметно при действии свойственного себе слова.

50 (112, 19). О монашестве, умном делании, наружном благочестии, монахе Никандре Бабаевском

Ваше Высокопреподобие!

Высокопреподобнейший отец Антоний!

[...]

О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому. Для этого нужны мужи духоносные, а ныне даже водящихся отчасти писаниями отцов, при объяснении их душевным разумом, каков был о. Макарий Оптинский, нет. Правда, и ныне некоторые разгоряченные верхогляды, даже из светских, берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно – великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих и дела Божия. Такие умницы и ревнители что ни сделают, все ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в орудия умножения в монастырях житейской многопопечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты. Надо покоряться самым попущениям Божиим, как это прекрасно изложено в молитве святых трех отроков, свергнутых в печь Вавилонскую.

В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие о умном делании. Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Оптиной Пустыни о. Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено. Вы правду говорите, что я в юности моей не нашел старца, который бы удовлетворил меня, но это можно еще приписать и тому, что я не искал, как должно, не умел искать, не имел достаточных средств на то. Удовлетворительнейшее лицо, с которым пришлось встретиться, был монах Никандр, просфирник Бабаевского монастыря, муж благодатный. С ним беседовал я в 1847 году. Он достиг высшего преуспевания в умной молитве, проходил этот подвиг очень просто, естественно, не был в славе у людей. Прежде умное делание было очень распространено и между народом, еще не подвергшимся влиянию Запада. Теперь все искоренилось; осталась личина благочестия; сила иссякла. Может быть кроется где-либо, как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души. Наступила весна: не замедлят наступить лето и жатва. О монашестве о. Никандр понимал также, как понимаю и я. Называл он монастыри пристанями, по назначению, данному им от Бога; говорил, что эти пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь. Некоторым, вопрошавшим его, советовал остерегаться от вступления в монастырь. Надо знать существенно нынешнее положение монастырей, которые могут еще показаться для верхоглядов местами спасения. По крайней мере, в избрании монастыря. Должно быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным. Если вздумаете посетить меня, то привезите с собою стихотворения Ваши. Из них читал я одно. В ожидании этого приятнейшего времени, прошу памятования Вашего о мне в святых молитвах Ваших. С чув-

ствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

*Епископ Игнатий,
21 апреля 1864*

**51 (113, 20). Благодарность за посещение, рассуждения
о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим,
пожелание последовать цели Григория Богослова**

Ваше Высокопреподобие!

Высокопреподобнейший отец Антоний!

Искренно благодарю Вас за посещение меня грешного; этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня с стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши. Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем – уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно. Слово человеческое ведомо одному уму, из которого оно постоянно рождается и тем выражает существование ума. Существование ума без слова и слова без ума мы не можем представить себе. Когда ум захочет сообщиться уму ближних, он употребляет для этого свое слово. Слово, чтоб приобрести способность общения, облекается в звуки или буквы. Тогда невещественное слово делается как бы вещественным, пребывая в сущности своей неизменным. И Слово Божие, чтоб вступить в общение с людьми и спасти их, вочеловечилось. При основательном взгляде на слово человеческое делается понятна и причина строгого приговора Господня, которым определено и возвещено, что люди дадут отчет в каждом праздном слове. Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях – наставление и спасение людей. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления! Святой Григорий Богослов писал стихами с возвышенною, глубоко благочестивою целью: доставить христианскому юношеству чтение и образцы в поэзии, сделать для них ненужным изучение языческих поэтов, дышавших сладострастием и прочими страстями, дышавших богохульством. Искренно желаю и для Вас цели Богослова, находя Вас способным в известной степени удовлетворить этой цели, и мзда Ваша будет многа на земле и на небе. Возложите на себя иго этой цели, как обязанный в свое время представить отчет в данном Вам таланте Подателю его. Возложите на себя труд достигнуть этой цели. Займитесь постоянно и смиренно, устранив от себя всякое разгорячение, молитвою покаяния, которою Вы занимаетесь: из нее почерпайте вдохновение для писаний Ваших. Затем подвергните собственной строгой критике писания Ваши, и, при свете совести Вашей, просвященной молитвою покаяния, извергните беспощадно из Ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. Горе смеющимся ныне! Это слова Христовы! Это определение, исшедшее от Бога. Невозможно устранив их никаким словоизвинением. Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запе-

чатлеваются усвоение души миродержцу. Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние. Необходимо установить в сердце залог верности Христу, а отпадения сердца от верности, по немощи нашей, врачевать немедленно покаянием и устранением от себя действий, внушенных неверностию, соделанных под влиянием духа и духов, нам льстящих и вместе жаждущих гибели нашей.

В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными. О! да увижу событие ожидания моего, да возрадуюсь о нем радостью духовною! О себе не говорю Вам ничего: Вы увидели больше, нежели сколько могу сказать. И паки благодарю за труд, принятый Вами для посещения меня, призывая на Вас благословение Божие и прося Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

*Епископ Игнатий,
11 августа 1864*

52 (114, 21). О стихотворениях о. Антония, методе Пушкина, неудачах сборщика и о других вопросах

Несомненно то, что в стихотворениях Ваших встречается то чувство, которого нет ни в одном писателе светском, писавшем о духовных предметах, несмотря на отчетливость стиха их. Они постоянно ниспадают в свое чувственное, и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них удовлетворения, пищи. Как прекрасен стих в Аббадоне Жуковского! и как натянуто чувство! Очевидно: в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он сочинил ее и для ума и для сердца, написал ложную мечту, не могущую найти сочувствия в душе разумного и истинно образованного, тем более благочестивого читателя. Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других литераторов. Затем он беспощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестественные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слога и ясность смысла. Как они читаются легко! В них нет слова лишнего! От чего? От беспощадной вычистки. Почитав Ваши стихотворения и дав в себе сформироваться впечатлению от них, нахожу, что и Вам необходим этот труд. «Как Ваши сочинения легко читаются!» – сказал Пушкину его знакомый. «От того, – отвечал Пушкин, – что пишутся и вырабатываются с великим трудом». Смею сказать, что и я стараюсь держаться этого правила.

Мой сборщик, умный монах, лет 50-ти, возвратился с Кавказа и с приволжских Губерний. На Кавказе принят был очень радушно, но насобирал мало по причине оскудения страны от неурожаев, а паче по причине общего и быстрого охлаждения народа к Церкви. Ему говорили мои знакомые: «Только три года Владыка от нас, а ему не узнать бы теперь народа, так он переменялся». В Саратове Преосвященный подписал книгу для сбора на месяц. После этого сборщик был принят только в два дома, в каждом дали ему по 15 копеек серебром. Между тем строился в городе огромный театр, как бы некий кафедральный собор. Приезжающие сюда богомольцы из других Губерний, рассказывают, что монастыри, содержащиеся подаянием, приходят в крайний упадок, по причине изменения, последовавшего в направлении всего народа. Живем в век быстрейшего прогресса.

Проя Ваших святых молитв и призывая на Вас благословение Неба, с чувствами искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

*Епископ Игнатий,
16 декабря 1864*

53 (115, 22). О своем здоровье и патриотические мысли

Ваше Высокопреподобие!

Высокопреподобнейший отец Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 1 февраля. Удивило меня поздравление Ваше с поправлением моего здоровья, тем более, что получено мною такое поздравление от многих. О, когда бы это было справедливо хотя в некоторой степени, и мне дана была бы хотя некоторая деятельность келейная, келейная, не более того. [...]

Удивило меня и то, что Вы помните день моего рождения! Спаси Вас, Господи! Воля Божия да совершится над нами. На земле нет прочного мира: такой мир на небе. Европейские народы всегда завидовали России и старались делать ей зло. Естественно, что и на будущее время они будут следовать той же системе. Но велик российский Бог. Молить должно великого Бога, чтоб Он сохранил духовно-нравственную силу нашего народа – Православную веру. По крайней мере мне, при страшной немощи моей, желалось бы в покаянии закрыть глаза, доколе не умолкло в храмах Божиих славословие Богу.

...Прошу и Ваших святых молитв о мне грешном и о всем православном народе нашем. Благословение Божие да почует над Вами и над вверенным Вам братством. С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

*Епископ Игнатий,
13 февраля 1855 года*

Р. С. В С.-Петербурге оканчивается печатанием моя книга в 2-х томах, под названием «Аскетические Опыты». Из нее читан был Вам разговор старца с учеником о Иисусовой Молитве. Напечатание должно окончиться в последних числах февраля или первых марта. [...]

54 (117, 26). Характеристика того времени

Ваше Высокопреподобие!

Высокопреподобнейший отец Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за сделанное Вами замечание относительно некоторых выражений на странице 649 первого тома Опытов. С тою же искреннею благодарностью приму и дальнейшие замечания Ваши: книгу считаю не моею собственностью, а собственностью всего христианского общества, и по этой причине признаю за особенное одолжение труд благонамеренных и знающих лиц, заключающийся в тщательном пересмотре Опытов и в сообщении мне замечаний, которыми постараюсь воспользоваться соответственно возможности моей.

В упомянутом Вами месте не говорится ни о каком лице именно: изложена теория святых аскетов, проверенная практикою. Теория эта необыкновенной важности, именно тогда, когда проверяется опытом. Это – поприще деятельной веры. Человек образуется этим положением: по этой причине на всем пространстве Опытов высказывается действие положения.

Статья написана в 1847 году. Лица, деятели того времени, все вымерли; совершившееся приписано повсюду в Опытах устроению Промысла Божия, и по тому не относится ни к какой личности. Промысл Божий повсюду оправдан, а подвергавшийся скорбям повсюду обвинен. Смею думать, что подобное высказано многими отцами, даже Апостолом Павлом в его Посланиях, и совершенно в том же духе и смысле. Факты остаются фактами. Действия, оправдываемые по отношению к Промыслу Божию, не престают иметь свое значение в отношении к действующим людям и зло нельзя назвать добром. Я переживал в Сергиевой пустыни ту эпоху, во время которой неверие и наглое насилие, назвавшись Православием, сокрушали нашу изветшавшую церковную иерархию, насмехались и издевались над всем священным. Результаты этих действий поныне ощущаются очень сильно. По милости Божией желаю всем простить все, более никого не считать провинившимся предо мною, но действия врагов Церкви и Христа желаю понимать и признавать тем, что они есть. Ведь и антихрист назовет себя Христом. Ведь и явление его должно признавать справедливым попущением Божиим, но самому лицу и его действиям цена своя. Положение, в которое приведена Церковь, ясно изложено в декабрьской книжке «Христианского Чтения», в статье: «Новые издания по расколу», стр. 440.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.